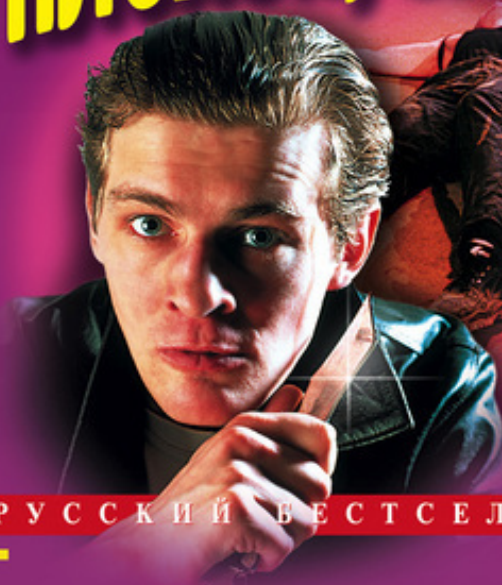

Сергей
ДОНСКОЙ

ЖАДНЫЙ, ПЛОХОЙ, ЗЛОЙ

ЭКСМО

РУССКИЙ ВЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Георгиевич Донской **Жадный, плохой, злой**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280842*

*Жадный, плохой, злой: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-007483-2*

Аннотация

Провокация – излюбленный метод работы скандально известного политика Дубова, возомнившего себя спасителем России. И чем она чудовищнее, тем лучше. Писатель Бодров, не по своей воле оказавшийся в особняке Дубова, понимает, что этого маньяка надо остановить любой ценой. Бодров совсем не кабинетный затворник, за его спиной немалый боевой опыт, и на удар он отвечает двумя. Теперь для подручных Дубова нет вопроса – мочить или не мочить строптивого писателя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Сергей Донской

Жадный, плохой, злой

Люди и события, описанные в этой книге, реальны ровно настолько, насколько бывают реальными такие понятия, как «адское пекло» или «райское наслаждение».

Автор

Глава 1

1

Для того чтобы у вас начались крупные неприятности, совсем не обязательно встречать на дороге мужчину с пустым ведром, это я вам авторитетно заявляю. Лично ко мне посланник судьбы явился вообще без всякого ведра, однако мои мытарства от этого не стали легче.

Это произошло жарким августовским днем, когда небо пыталось отгородиться от раскаленной земли белесой дымкой, а листья на деревьях норовили свернуться в трубочки или пожелтеть раньше времени, чтобы для них наконец закончилась невыносимая пытка сухим зноем и изнуряющим безветрием. Есть люди, которым нравится изнывать от жары,

они-то и придумали сауну. Но я не относился к числу мазохистов и чувствовал себя грешником на подходе к адскому пеклу.

На термометре было не меньше сорока. На часах – не больше одиннадцати часов утра. Я волочил свою съезжившуюся тень по длиннющей улице, в самом конце которой находился малоприметный одноэтажный дом, который я так и не научился считать своим. Прижиться в нем по-настоящему было столь же трудно, как, скажем, в доме-музее Ленина, которым до сих пор тайно гордился подмосковный городок Подольск, куда меня занесла нелегкая. Я ощущал себя здесь совершенно чужим, ненужным и лишним. Чугунной отливкой на местном заводе цветных металлов. Оптовой партией черного перца на кондитерской фабрике. Подводной лодкой, ставшей на рейд посреди речушки Пахры. В общем, не вписывался я в местный колорит, хотя водку пил дешевую, сигареты курил дрянные и даже кое-как научился отличать среди ближайших соседей дядю Пашу от дяди Саши, а Семеновну – от Степановны.

На окраине Подольска хорошо жилось дурашливым гусям, томным коровам, приезжим детишкам и местным мужикам с перебродившей от сивухи кровью. Все прочие откровенно маялись. Даже топиться или вешаться никто не пытался, потому что, разочаровавшись в жизни земной, подольчане не ждали ничего хорошего и от загробного существования.

Примерно так я тоскливо размышлял, размеренно топчя свою безропотную тень белыми кроссовками. Ногам в этой обуви было так же комфортно, как в испанских сапогах, применявшихся средневековыми инквизиторами, но ничего более приличного на случай жаркого лета у меня не имелось, поэтому приходилось делать вид, что я завзятый поклонник спортивного образа жизни.

Попеременно ступая по узенькому тротуару, вымощенному потрескавшимися бетонными плитами, мои кроссовки поднимали маленькие облачка сухой пыли, отсчитывая последние шаги до моего дома. Заставил запнуться меня неожиданный оклик, прозвучавший совсем рядом:

– Бодров!

Вскинув было голову, я тут же вернул ее в исходное положение, потому что менял фамилию вовсе не для того, чтобы продолжать с готовностью откликаться на нее. Новая жизнь, новые реалии. И незачем ворошить прошлое. Так и не повернувшись на зов, я зашагал дальше.

– Бодров, – не унимался приветливый мужской голос. – Игорь Михайлович! Постойте, нам надо поговорить.

Пришлось опять оторвать взгляд от пыльных кроссовок, с недоумением окинуть им почти пустынную улицу и остановить глаза на незнакомце, столь навязчиво стремящемся к общению.

– Это вы мне? – Прохладце, прозвучавшей в моем голосе, позавидовал бы сам Никита Михалков, которого приняли по

ошибке за не менее усатого и знаменитого Леонида Якубовича.

– Вам, вам, Бодров, – радостно подтвердил незнакомец, не сделав, впрочем, ни одного шага к сближению.

Его зад подпирал бирюзовый капот иномарки. Я тоже не торопился с лобызаниями и объятиями. Стоял на том самом месте, где застиг меня оклик, и хмуро рассматривал мужчину, приклеившегося к своей импортной тачке.

Особое внимание я уделил багровой физиономии, которую обладатель, наверное, считал загорелой, а посторонние – подвергшейся сплошному ожогу второй степени. Если бы кто-нибудь вздумал лепить его бюст, то на уши и щеки ушла бы треть всей замешенной глины, а для носа хватило бы щепоти. Волосы у этого общительного типа были по-цыгански жгуче-черными, но такими реденькими, что ширина бокового пробора приближалась к толщине указательного пальца. Портрет довершали не менее черные усики, настолько нелепые, что их хотелось оторвать к чертовой матери и подарить какому-нибудь итальянскому мафиози. Вместе с зеркальными солнцезащитными очками, в которых отражалась моя фигура, настороженно застывшая на фоне подольского пейзажа.

– Вы обознались, – сухо сообщил я, когда изучение незнакомца мне наскучило.

Брюнет отклеился от своей тачки.

– Хватит умничать, – пробурчал он.

– Меня часто об этом просят, – признался я. – Часто, но недолго и не очень настойчиво. Один такой советчик стал полным калекой – и в физическом смысле, и в моральном.

– Душман! – крикнул брюнет с обидчивой интонацией. Его позорные усики при этом встопорщились до некоторого сходства с настоящими.

Ну вот, теперь я стал душманом! Если с фамилией Бодров я еще как-то мог примириться, потому что носил ее ни много ни мало тридцать лет, то новое прозвище меня абсолютно не устраивало. Я уж собирался популярно объяснить это своему визави, когда из тонированного автомобиля на свет божий выбрался некто с обритым наголо черепом, зато при мусульманской бороде. Чалма так и просилась на его голову. А выражение лица было полно мрачной решимости, как у религиозного фанатика, поклявшегося на Коране искоренить всех неверных до десятого колена. Возможно, лютый нрав развился в этом относительно молодом человеке от неразумной привычки обряжаться во все черное. При сорокаградусной жаре ношение подобного наряда грозило полнейшей мизантропией. Попробуйте сами одеться в траур, выйти на самый солнцепек и сохранить при этом благодушное настроение. До сих пор в России это не удавалось никому, кроме Михаила д... Артаньяновича Боярского, да и тот заметно осунулся и сдал под своей мушкетерской шляпой.

– Бить? – азартно поинтересовался изнывающий от жары и злобы подмосковный душман, нацелив в меня одновремен-

но свой заросший подбородок и указательный палец с желтым ногтем.

Он явно не был склонен к гамлетовским терзаниям. Бить или не бить? Конечно, бить! Однозначно! К его неудовольствию, команда последовала иная:

– Просто возьми этого умника под локоток и усади рядом с собой на заднее сиденье. – Зеркальные очки щекастого брюнета поймали два солнечных блика и радостно просияли. – Бить пока не надо.

Пока! Это прозвучало не слишком-то обнадеживающе.

– Что вам от меня нужно? – осведомился я, отступив на три шага назад.

Ровно столько же шагов проделал Душман, чтобы приблизиться ко мне, так что дистанция между нами сохранялась та же. Чтобы дотянуться до меня, ему потребовались бы руки длиной с хорошие грабли, а его лапищи оказались несколько короче.

– С тобой хотят поговорить, Бодров, – значительно пояснил заводила в брюках-шортах. Его щеки слегка раздулись.

– По природе я редкостный молчун и затворник, – честно признался я. – К тому же сегодня я не в настроении. Отложим беседу до лучших времен. Скажем, до полной ликвидации последствий чернойбыльской катастрофы.

– Остряк? – догадался наконец мой собеседник. – Душман, возьми его. Надоело слушать, как он мелет языком!

Лоснящийся на солнце бритый череп устремился вперед.

– Стой, где стоишь, Ходжа Насреддин, – предупредил я. – У покойников очень быстро отрастают волосы, слышал об этом? Тебя могут не признать в твоём мусульманском раю. – Говоря это, я пятился от него.

– Насреддин, значит? – зловеще переспросил он, неспешно следуя за мной.

Пятиться задом было не слишком удобно, но я делал вид, что мне к такой манере ходьбы не привыкать. Я даже разговаривать продолжал при этом, заверяя настырного преследователя:

– Честно говоря, на тебя и на твоё имя мне насрать, будь ты хоть Сулейманом, хоть шайтаном. Можешь назваться даже Али-Бабой – главное, держись подальше.

Бритоголовый не послушался моего совета.

– Подальше? – тупо переспросил он, а сам вдруг прыгнул вперед.

Все он правильно рассчитал: и дистанцию подходящую выбрал, и вес тела приготовился перенести на левую ногу во время удара. Не учел только, бесшабашный, что я тоже устремлюсь ему навстречу.

Его кулак рассек горячий воздух в каком-нибудь сантиметре от моей головы, а в следующее мгновение эта самая голова врезалась в его смуглое лицо, аккуратно между выскобленным до синевы лбом и черной бородой. Там размещался чувствительный нос и полнокровные губы, лопнувшие, подобно двум переспевшим вишням.

Душман не обратил никакого внимания на подобную ерунду. Гораздо сильнее обеспокоила его моя правая пятерня, впившаяся в его промежность с яростью клешни оголодавшего краба. Я до предела сжал пальцы, пару раз рванул все, что они сгребли, из стороны в сторону, а потом убрал руку и стал с любопытством наблюдать за превращением грозного противника в скулящее существо, норовящее бухнуться на колени.

Пришлось придать качающейся фигуре неуверенное равновесие. Это было сделано в два счета: короткий быстрый удар по почкам плюс хлесткая добавка по заросшему волосами кадыку. Душман устоял, потому что не смог решить, куда ему падать: вперед или назад. Пока он таким образом колебался на подгибающихся ногах, я направился напрямик к разжигателю нашей маленькой междуусобной войны.

– Забирай своего джинна и проваливай, – порекомендовал я, сосредоточив все свое недоброе внимание на беспорядочно заматававшихся зеркальных очках. Если они были сработаны из настоящего стекла, а не из дешевой пластмассы, то их обладатель рисковал окриветь на один глаз, как только моему правому кулаку надоело бы бесцельно болтаться над землей.

– Идиот, – прошипел мордастый заводила, позаботившись вначале о том, чтобы отгородиться от меня бирюзовым корпусом своего шикарного авто. Полуспортивная тачка, полубрюки, робкие намеки на полноценный нос и конкретные

усы... Этот тип был явно каким-то недоделанным и нравился мне все меньше и меньше, особенно когда открывал свою пасть. – С тобой, придурком, просто хотели побеседовать, вот и все, – бубнил он, озираясь по сторонам. Ты сам полез на рожон, сам нарвался на неприятности. Теперь не обижайся...

– Иди сюда, – предложил я с открытой улыбкой. – Повтори все это мне на ушко тихим проникновенным голосом. Возможно, я осознаю свою вину и перевоспитаюсь.

– Перевоспитаешься! – пообещал мой щекастый собеседник, топорща скудную поросль под носиком-пуговкой. – Тебе, скотина безмозглая, рога быстро пообломают. Кровью ссать будешь! Собственными зубами плеваться!

Я пожалел, что не разбил очки, пока они еще находились в пределах досягаемости. Теперь было не до них. Душман уже успел кое-как оклематься, развернулся на сто восемьдесят градусов и направился в нашу сторону. Передвигался он валко, враскорячку, точно передразнивал походку моряка, сошедшего на берег после многодневной болтанки в море. Такой вот – присмиривший, с разбитыми губами – он импонировал мне больше, чем пару минут назад. Я бросил участливый взгляд на его нос, пытаюсь определить, распух ли он после столкновения с моим лбом или таким и был задуман при сотворении.

Беззвучно выкинутое лезвие бритвы прервало мои размышления. Сверкая всеми своими солнечными зайчиками

сразу, оно приближалось ко мне вместе с заметно озлобившимся Душманом. Он сунулся ко мне явно не для того, чтобы обрить мою голову тоже. Его черная одежда призрачно колыхалась в знойном мареве. Смуглый оттенок его кожи сменился кефирной бледностью, а кровь, запекшаяся на губах и бороде, придавала ему вид вурдалака, у которого не на шутку разыгрался аппетит.

Глупо было соваться к нему с извинениями, увещеваниями или предложениями распить мировую. Вместо этого я шагнул к забору и с треском выдрал из него увесистую штакетину, покрытую давно поблекшей голубой краской. Штакетина описала дугу и звучно врезалась в физиономию оторопевшего Душмана.

Шмяк! После этого смачного удара широкая доска выскользнула из моих пальцев, но не упала на землю. Гвозди, догадался я, когда противник слепо замотал головой, пытаюсь избавиться от неожиданного дополнения к своему портрету. Он уже почти отодрал штакетину от своей густой бороды, но довести эту болезненную процедуру до конца так и не успел. Лишь раскрытая бритва осталась валяться там, где удар настиг неугомонного Душмана. Сам он после серии боковых ударов сначала проверил голубой забор на прочность, а потом сполз по нему вниз и присел на корточки, совершенно не стремясь развить наше короткое знакомство. Пыль и колючие шарики репейника оказались не лучшим дополнением к его траурному маскараду. Он растерял добрую поло-

вину своего мрачного очарования. Может быть, даже целых две трети.

Честно говоря, я тоже выглядел не ахти как: весь взмок, запыхался с непривычки. Давненько мне не приходилось махать кулаками. Что касается пригорюнившегося в бурьяне Душмана, так ему лучше было вообще не начинать. Он это уже понимал, отчаянный головорез. Глаза на меня не поднимал, лишь пристыженно сопел да осторожно возился с последним кривым гвоздем, прихватившим щеку на манер рыболовного крючка.

– Ты так до второго пришествия будешь колупаться, – посоветовал я, склонившись над Душманом, чтобы оказать ему первую медицинскую помощь. А когда злополучная доска оказалась у меня в руках, счел нужным немного его подбодрить: – Не убивайся ты так, Зорро. Шрамы украшают мужчину. Хочешь, добавлю еще парочку? Бесплатно.

Душман решил сохранять высокомерное молчание, хотя оно могло быть истолковано мной как знак согласия. Для этого ему потребовалось немалое мужество, согласитесь. Поэтому я снял вопрос с повестки дня и оставил гордого противника в покое.

В тот самый момент, когда я лениво повернулся к бирюзовой машине, ее двигатель зашелся невообразимым скрежетом. Виной тому были нервные манипуляции юркнувшего внутрь владельца. Сдав назад, он развернулся, подмяв автомобильным днищем маленькую плантацию фиолетовых

мальв. Из-под прокрутившихся вхолостую задних колес вырвался пыльный шлейф, а потом машина рванулась вперед, отъехала на безопасное расстояние и затормозила, издав короткий визг, в котором страх и ненависть смешались в равных пропорциях.

– Я не прощаюсь! – зловеще загорланил обладатель хомячьих щек и пуговичного носа, на котором неизвестно как держалась дужка сверкающих очков. Впрочем, они все же упали, когда он вознамерился высунуться из окна чуть ли не по пояс.

Я притворился обиженным:

– Не хотите сказать мне «до свиданья»? Англичанам еще простительно, такая уж у них традиция... А с вашей стороны это просто хамство!

Багровые щеки моего собеседника возмущенно затряслись, но он больше ничего не сказал. Даже за своими зеркальными стекляшками не рискнул выбраться. дождался своего изрядно помятого спутника и газанул так, что у проснувшихся дворовых собак случилась коллективная истерика.

Зашвырнув бритву на чужие задворки, я оглянулся по сторонам, желая выяснить, не было ли свидетелей моего триумфа. Две бабульки, навалившиеся на свои калитки, сделали вид, что выискивают в небе отсутствующие облака. Белобрысый шкет поспешно втянул голову в заросли лопухов. А дядя Митя (или Витя?), неизвестно как очутившийся со своим

велосипедом прямо за моей спиной, укоризненно произнес:

– Ты чего это, Игорек, на людей кидаешься?

– Поддал с утраца, – соврал я и смущенно почесал затылок.

– А-а! – В этом восклицании прозвучало не только понимание, но и уважение.

Какие только грехи не прощаются на Руси пьянчугам! Любят их, жалеют и понимают. Были бы у меня деньги, свободное время да лишнее здоровье, так я бы не просыхал никогда, ей-богу!

2

Ввалившись на веранду, я первым делом зачерпнул кружкой холодной воды и одним махом вылил ее внутрь себя. Вторая порция пошла медленнее, что позволило распробовать ее восхитительный колодезный вкус. Третья кружка осталась недопитой. Прислушиваясь к мелодичному бульканью переливающейся во мне воды, я присел на крылечко и закурил.

Откуда щекастый и бритоголовый узнали мою настоящую фамилию? Я надеялся, что она надежно похоронена вместе с моим прошлым, а она вдруг всплыла, волоча за собой вереницу тягостных воспоминаний.

Из истории моих былых походов, вернее, хождений по мукам, получился бы славный боевик, вот только глав-

ную роль я с удовольствием уступил бы любому другому. Перестрелками, погонями и потасовками я был сыт по горло. Утомили меня крупные планы трупов в багровых тонах. Вспышки выстрелов до сих пор снились. Запах порохового дыма мерещился. Одним словом, о продолжении я не подумывал. В этом боевике меня устраивал только хеппи-энд, простенький и незатейливый. На нем моя маленькая семья: я собственной персоной в окружении моей чересчур молодой жены Веры и восьмилетней девочки Светочки, которая по возрасту никак не годится ей в дочери. Все правильно. Это мне Светочка приходится дочерью. Вере она падчерица. Но все равно нам очень хорошо втроем.

Было хорошо, поправился я мысленно. Наша провинциальная идиллия оказалась под угрозой. Повышенный интерес к моим похождениям под прежней фамилией возник слишком рано, чтобы нагроможденную мной гору трупов можно было списать за сроком давности. Добавьте сюда пропавшие двадцать килограммов героина, который, как известно, значительно дороже картошки, даже если ее ввозить в Россию из братской Белоруссии. Что получается? «Полный облом получается», – безрадостно ответил я на свой собственный вопрос.

Как там пел Пол Маккартни, когда был еще никаким не мистером и не сэром, а юным кареглазым херувимчиком со скрипкообразной бас-гитарой? «Вчера все мои тревоги казались такими далекими, а теперь, похоже, они собрались

здесь». Красивая песня, трогательная. Интересно, что запел бы старина Пол, доведись ему побывать в моей шкуре?

Я сменил фамилию, место и образ жительства, даже привычки. Но этого оказалось мало. Похоже, чтобы меня оставили в покое, надо перебираться на луну. На темную ее сторону.

Мои милые дамы вряд ли обрадуются, узнав, что им предстоит новая кочевка. Они успели обжиться на новом месте. Вера научилась управляться с электроплиткой, освоила азы кулинарного искусства и свыклась с сомнительными удобствами во дворе. Светочка подружилась со всеми соседскими кошками, собаками, а также с мелюзгой человеческой породы. Теперь она могла, не морщась, выдуть литровую банку молока с пенкой или достать из крапивных дебрей закатившийся туда мяч. Дитя природы!

А ведь всего каких-то полгода назад мы вышли из поезда на маленькой железнодорожной станции, понятия не имея, что нас здесь ждет. Кажется, называлась эта станция Львовской. Автобус отвез нас в Подольск, а потом мы долго блуждали по его окраинам, выискивая подходящий домишко, который сдавался бы целиком. Это оказалось не таким уж простым делом. При виде моих долларовых купюр многие аборигены замыкались в себе, делались подозрительными и несговорчивыми. Смотрели, как на иностранных шпионов, как на врагов народа в эпоху развитого социализма. Когда убежденный алкоголик Петрович позарился на замор-

скую зелень и перебрался к матери, предоставив в наше распоряжение свою одноэтажную халупу, мы почувствовали себя на седьмом небе. Бродячая собака, которая вдруг обзавелась конурой, не сумела бы обрадоваться сильнее нас.

В доме царили относительная чистота и порядок, потому что супругу Петровича, великомученицу Варвару, схоронили всего за неделю до нашего приезда. Вера сменила постели, а я за пять ходок вынес во двор пустые бутылки и засел писать детектив.

Черновик был закончен через две недели. Потом в течение месяца я упорно долбил клавиши пишущей машинки, приобретенной в Москве. Воспоминания были еще очень свежи, так что получилось очень даже прилично для новичка. В первом же столичном издательстве, куда я приперся со своей рукописью, меня наградили звучным псевдонимом и скромным гонораром. Я воспрянул духом. Купил старенький компьютер с запоздалой реакцией начинающего маразматика и выдал еще один детектив. Псевдоним мне оставили прежний, а гонорар повысили втрое.

Будущее показалось мне ясным и светлым, как погожее утро – утро новой жизни. Я как раз взялся за очередной шедевр, когда мои планы рухнули, подобно карточному домику. И всему виной был щекастый гость. С кем он собирался меня познакомить? Что этим людям от меня нужно? Поскольку ответов на свои вопросы я не знал, мне захотелось немедленно вернуться на улицу и растоптать трусливо бро-

шенные на поле боя очки незнакомца.

Даже в такой малости мне не повезло. Не зря говорят: пришла беда, отворяй ворота. Зеркальными очками успел завладеть дядя Витя (или Митя?). Гордо водрузив их на свой пырчатый нос, он выписывал по улице кренделя на своей дребезжащей лайбе и тихонько напевал про мгновения, которые свистят, как пули у виска. Это я спровоцировал его своим ложным признанием в употреблении горячительных напитков. Впечатлительный Митя-Витя тоже пожелал употребить аперитив. Теперь внутри него скопилось примерно столько же градусов, сколько их было снаружи. Сорок на сорок. Идеальный баланс.

– Игорек! – крикнул он, проезжая в опасной близости от столба, за который я вовремя успел отпрянуть. – Самое время добавить!

Я задрал голову, полюбовался ослепительным солнцем в зените и усомнился:

– Жарковато для возлияний. Может быть, попозже, вечером?

На самом деле мне вдруг чертовски захотелось вылакать полный стакан теплой водки. Я просто надеялся, что сосед согласится с моими доводами, образумится сам, да и меня удержит от опрометчивого шага. Но Митя-Витя был не из тех, кого могут напугать погодные условия. Он не собирался ждать милостей от природы в виде освежающей вечерней прохлады.

– Зачем попозже? – крикнул он задорно. – У меня с собой!

– А закуска? – упорствовал я из последних сил.

– Вот тебе закуска! – Проезжая под развесистой яблоней, Митя-Витя ловко сорвал кособокий червивый плод и торжествующе потряс им в воздухе.

На этом его джигитовка закончилась. Мстительно пнув норовистого железного коня, сбросившего его на землю, Митя-Витя прихрамал к калитке моего дома и опустился рядом на серую лавку. Сам он весь был точно такого же неопределенного цвета. Лишь полная бутылка водки маняще сверкала в его заскорузлой руке. Откуда и когда она была извлечена, я понятия не имел.

– Оп-ля, – воскликнул Митя-Витя. На лавке возле бутылки моментально возник мутноватый стакан. Ну как было не выпить с таким чудесником?

Поочередно выпили. Крякнули с полуминутным интервалом. Дружно захрустели своими половинками яблока.

– Как жизнь, дядя... итя? – вежливо спросил я, намеренно проглотив первую букву имени соседа.

– Я вообще-то с утра был Николаем, – невозмутимо сообщил он, любясь на просвет водочными остатками в бутылке. – А жизнь моя все равно хреновая, Игорек. То майка короткая, то конец длинный. Все едино получаюсь я с голой жопой, как ни крути. Спасибо родному правительству. – Сосед смачно харкнул в пыль.

– А здоровье как? – не унимался я, поскольку ритуал рас-

пития бутылки на двоих подразумевал обязательную задушевную беседу.

Сдвинув очки на лоб, дядя Коля признался:

– Никак. Здоровье постоянно поправлять надо, а где ж таких деньжищ набраться?

Драгоценная микстура наполнила стакан, церемонно поднесенный к моему носу. Я справился и с этой порцией, но не так легко и красиво, как мой напарник. У того даже лицо не дрогнуло после употребления внутрь. Разве что взгляд печально затуманился, но это скорее всего было вызвано сознанием того прискорбного факта, что бутылки опустошаются быстро, а карманы пополняются медленно.

Я закурил, разогнал ладонью дымовую завесу перед собой и обнаружил, что дядя Коля искоса поглядывает на меня с таким видом, будто ему не терпится выдать какое-то пьяное откровение.

– Хочешь что-то спросить? – Я приподнял брови.

– Не-а, – откликнулся он. – Наоборот, сказать одну вещь хочу.

– Так говори.

Вместо этого дядя Коля все же действительно задал вопрос:

– Тебе убивать приходилось, Игорек? – Не успел я опровергнуть это предположение, как он сам же и заключил: – Приходилось... Эх, бя!

– С чего ты взял? – Мне было лень изображать удивление,

а тем более возмущение.

– По глазам вижу, – буркнул дядя Коля. – У сынка моего точно такие же. Чечню прошел, Дагестан. Теперь днем в потолок глядит, а по ночам зубами скрежещет. Прямо волк в неволе. Места себе не находит... Так он священный долг перед Родиной выполнял, а ты зачем грех на душу взял?

Я вздрогнул от такой неожиданной прозорливости собеседника и тут же обозлился:

– Долг? Родина?.. Ты же сам на нее плевал, на Родину!

– Ни хрена подобного! – отрезал дядя Коля. – На Родину – нет, на правительство – да! Большая разница. Он встал и пошел прочь. Походка его была нетвердая, зато осанка на удивление прямая.

– Эй! – крикнул я удаляющейся спине. – Давай еще один пузырь возьмем. Я угощаю.

Дядя Коля замер как вкопанный. Медленно обернулся. Погрозил мне пальцем и сказал с искренностью смертельно пьяного человека:

– Завязывай с этим, Игорек. Погубишь ты себя.

– Водкой? – Насмешливая интонация далась мне с трудом.

– Кровью, – сурово уточнил дядя Коля, прежде чем пойти дальше.

Больше я его не окликал, молча смотрел вслед удаляющейся фигуре и думал: «Ему хорошо. Проспится – все позабудет. А я? Как быть мне с моими проклятушими воспоми-

нениями?»

Ответа не было. Да я на него и не надеялся.

3

Вера и Светочка вернулись с речки, когда я сидел перед экраном компьютера и тупо раскладывал пасьянс за пасьянсом, ни один из которых так и не сошелся.

– А папа опять играет, вместо того чтобы писать, – на-ябедничала Светочка замешкавшейся на веранде Вере.

– Я думаю, – возразил я. – Творю. Не то что некоторые праздношатающиеся лентяйки.

– Мы ничего не праздновали и не шатались, а рыбу ловили, – оскорбилась Светочка. – Вот!

Заглянув в продемонстрированный полиэтиленовый пакет, я высказал предположение, что вижу перед собой пивок или головастика, за что слаженный женский хор награ-дил меня возмущенной отповедью. Впрочем, морить меня в наказание голодом добытчицы не стали. Головастики, оказавшиеся плотвичками, угодили на сковороду. На столе появилась и более существенная снедь: хлеб, лук, помидоры, вчерашний суп. Я подумал, что, если когда-нибудь возьмусь описывать наш обед, обязательно добавлю котлеты или хотя бы колбасу, а суп заменю окрошкой со сметаной.

Оторвав у подгоревшей рыбешки голову, Вера отправила ее в рот целиком и, похрустев немного, осведомилась:

– Где был? Чем занимался?

– Гулял. – Я повертел в руках плотвичку величиной с палец, отложил ее подальше и вплотную занялся супом.

– С кем гулял? – Вера бросила на меня пристальный взгляд.

– Тихо сам с собою... Сцену одну обдумывал.

– Постельную небось?

– В такую жару? – Я негодуя фыркнул. – Нет уж, благодарю покорно. У меня, слава богу, по сюжету не секс наметился, а потасовка.

– Ага, – понимающе кивнула Вера. – Поэтому у тебя кулаки и сбиты, да?

Машинально бросив взгляд на поврежденные костяшки пальцев, я уткнулся в тарелку. Иногда мне хотелось назвать жену Веркой, как в ту пору, когда она предпочитала имидж язвительной стервы.

Светочка посмотрела-посмотрела на нас и решила встать на мою сторону.

– А кое-кто опять голышом купался, – доложила она, готовя плацдарм для моего ответного наступления.

– Ты тоже, – напомнила Вера.

– Я маленькая!

– Вот именно. Маленькая, а туда же. Рано тебе еще голой задницей сверкать. Постыдилась бы.

Потрясенная таким парадоксальным выводом, Светочка выронила надкушенный помидор. Одержав первую малень-

кую победу, Вера взялась за меня, сверля мою переносицу взглядом своих прозрачных глаз.

– Ну, что случилось, Игорь? – спросила она. – Выкладывай начистоту.

– Ничего не случилось. – Я сделал вид, что всецело поглощен изучением содержимого своей тарелки. Супа в ней осталось самая малость, так что выглядело это не слишком убедительно.

– А по какому поводу выпивал? – не унималась Вера.

– Просто так. От скуки.

– Очень мило! От скуки выпил, потом помолотил немного кулаками в стену, да? – Заметив, что я собираюсь отмалчиваться, Вера сузила глаза и поставила диагноз: – Алкоголизм плюс буйное помешательство на этой почве. Светик, сходи, пожалуйста, на веранду и спрячь топор подальше.

Моя дочь, только что поднявшая помидор со стола, уронила его снова, на этот раз на пол.

– Зачем? – испуганно спросила она.

– Тетя Вера шутит. – Я погладил Светочку по шелковистым волосам. – Не обращай внимания.

– Я тебе не фикус в кадке, чтобы не обращать на меня внимания! – Голос Веры прозвучал значительно громче, чем перезвон вилки, которую она запустила в стену за моей спиной. Ее губы дрожали, как будто она недавно искупалась не в Пахре, а в Ледовитом океане. – Что происходит, Игорь? Зачем ты темнишь? Неужели я не заслуживаю права знать

правду?

Глянув через плечо на вилку, я выщедил последнюю ложку супа, дожевал хлеб и спокойно сказал:

– Ремня ты заслуживаешь. Однажды я тебя пожалел, а теперь это выходит боком.

Трах-тарарах! Следующим метательным снарядом стала пустая кастрюля. Вера швырнула ее об пол с такой силой, что крышка еще добрую минуту раскручивалась посреди комнаты, вообразив себя юлой. Но я и моя дочь давно вышли из того возраста, когда это кажется забавным. Тонем, ровным, как натянутая струна, я сказал притихшей Светочке:

– Это называется истерикой. Напой тетю Веру холодной водичкой.

– Да ну вас! – Дочь решительно выбралась из-за стола, укоризненно посмотрела на нас обоих и покачала головой. – И как вам только не стыдно! Хуже маленьких, честное слово!

С этими словами она направилась к выходу, звучно впечатывая босые пятки в половицы.

– Ты куда? – осведомился.

– Гулять. А то наберусь у вас плохих привычек. – Пестрое платье исчезло за дверью.

Как же она повзрослела, подумал я с грустной нежностью. Еще года три назад ее прощальная фраза прозвучала бы совсем по-детски: «пьюхие пывычки». А теперь она топает пятками и показывает характер. Скоро превратится в настоящую маленькую леди и тоже примется громохать посудой.

– Игорь. – Верин голос прозвучал виновато, но не настолько, чтобы немедленно одаривать ее смягчившимся взглядом.

– Что? – Я уставился в маленькое окошко, выходящее в палисадник.

– Давай поговорим спокойно.

– Давай, – согласился я. – Я буду бить тарелки, которые стоят на столе, а ты возьми себе чистые из шкафчика. Хороший у нас разговор получится. Задушевный.

Вера подобрала разбросанные по полу предметы, помялась смущенно и выдавила из себя почти беззвучное:

– Извини. Просто я чувствую, что что-то произошло, и...

– Ничего особенного не произошло, – перебил я ее. – Так, ерунда. Поцапался с местной шпаной.

– И все? – На Верином лице промелькнуло явное облегчение.

– И все, – подтвердил я кивком. – Но... – Озвучив свою паузу дробным перестуком пальцев по столу, я неохотно продолжил: – Нам лучше отсюда уехать. На Подольске свет клином не сошелся.

– Ясно, – сказала Вера упавшим голосом. – Все начинается сначала? Опять гонки на выживание? – В ее голосе не прозвучало ни малейшей надежды на отрицательный ответ, а подтверждение своим опасениям она боялась услышать.

Поэтому я промолчал.

На стенах комнаты висели десятки черно-белых фотографий абсолютно чужих нам людей. Застывшие взгляды, ни

тени улыбки на серых лицах. Вера казалась одним из этих унылых портретов.

– Пойдем, – ласково шепнул я, обогнув стол, чтобы взять ее за руку.

Она не поинтересовалась, куда я ее веду. Единственным местом в доме, где можно было укрыться летом от дневной духоты и не вовремя возвратившейся Светочки, был для нас погреб. Подпольный секс стал нашей доброй традицией, матрас, расстеленный на холодном земляном полу, – брачным ложем. Чисто спартанский комфорт. Зато из погреба мы ни разу не выбирались вспотевшими.

Откинулась крышка люка, открывая зияющий черный квадрат. Визгливо пропели под нашими ногами ступени деревянной лестницы. В таинственном полумраке вспорхнула огромной бабочкой футболка Веры, заменявшая ей платье.

Стоило мне лишь поддеть ладонями половинки Вериной попки, как она послушно привстала на цыпочки, словно желала сравняться со мной ростом. Я же, наоборот, слегка присел, оказавшись при этом даже ниже ее. А когда я снова выпрямился, Веру подбросило вверх. Она то приподнималась, то снова опускалась, повинаясь моим размеренным движениям. Ее ноги переплелись за моей спиной, а руки крепко-накрепко обхватили мою шею. Точно так же она цеплялась бы за ствол дерева, раскачиваемого ураганным ветром. Даже глаза зажмурила, чтобы избежать головокружения.

– Замри, – попросил я, когда почувствовал, что мы взяли

слишком уж бурный темп.

– Фигушки! – Вера энергично запрыгала на мне, как бы пробуя на прочность сук, на котором сидела. Выражение ее физиономии было при этом азартным и мстительным одновременно.

Она явно решила со мной поквитаться за нежелание поговорить начистоту. Стоило мне лишь согласиться на предложенный ею ритм и заторопиться приблизить тот самый миг, который я только что оттягивал, как Вера обвисла на мне, безвольно болтаясь на моей шее. Впечатление было такое, что ее внезапно сморил сон. Я попытался усердствовать за двоих, но с равным успехом можно было тормозить любой из мешков картошки, наваленных в дальнем конце погреба.

– Что случилось? – пропыхтел я, прислонив Веру к деревянному стеллажу, чтобы частично уменьшить свою нагрузку.

– Ничего не случилось. – Она продолжала оставаться безучастным балластом. – Между прочим, я наш недавний разговор цитирую. Только теперь мы поменялись ролями.

– Ага! – понимающе воскликнул я, валясь вместе с Верой на матрас, который до этого топтал ногами.

Смотавшись на почту, я приобрел местную газетенку, искал в ней нужное объявление и заказал по телефону на

завтра грузовую «Газель», которая должна была увезти все мое семейство и наш небогатый скарб в неизвестном направлении. Конечного пункта маршрута не знал пока даже я сам, так что за полную секретность поездки можно было совершенно не опасаться.

На сборы нам требовалось максимум полтора часа. Если даже вычесть из остающегося времени сон, то все равно этого томительного времени оставалось так много, что его хотелось поскорее убить любым доступным мне способом.

Из возможных в Подольске видов культурного досуга в моем распоряжении имелось ровно два. Литература и телевидение.

Нашу домашнюю библиотеку можно было считать подобранной со вкусом. По десять экземпляров моих обеих опубликованных книг, это раз. Затем распадающийся томик Стивена Кинга, который был приобретен еще на курганском вокзале, и кипа детских комиксов, привезенных мною Светочке из Москвы. Вера довольствовалась пухлыми «Космополитами», в которых каждый раз открывала для себя что-нибудь новое и полезное: то рецепт запеканки из папайи в кокосовом молоке, то расценки средиземноморских курортов. От прежних хозяев осталась подборка журналов «Огонек» двадцатилетней давности, «Энциклопедия домашнего быта» и Библия, начинающаяся с 78-й страницы.

Я попросил Веру включить портативный телевизор, погнутая антенна которого исправно ловила все столичные

программы. Как раз подводились итоги новостей за неделю. Благообразный мужчина с пшеничными английскими усиками на чересчур крупном лице посмотрел мне в глаза поверх явно мешающих ему очков и доверительно предложил:

– Давайте поразмышляем вместе... Можно ли... э-э... считать участившиеся нападки правоохранительных органов на частный бизнес цепью трагических случайностей? Что это: ряд недоразумений или... э-э... все же новая политика государства? Если предположить последнее, то не приведет ли такой курс к полному крушению... э-э... выстраданных народом идеалов?..

Прежде чем задать очередной вопрос, мужчина старательно пережевывал собственные губы вместе с усами. От этого казалось, что в паузах он обдумывает, как бы половчее сорвать. Размышлять с ним вместе мне абсолютно не хотелось. Астрологический вещун Павел Глоба и то вызывал у меня больше доверия.

– Скучаешь? – осведомилась Вера, временно прекратив месить тесто на столе, который являлся для нас кухонным и обеденным одновременно.

На моей памяти это была ее вторая кулинарная попытка подобного рода. То, что получилось у Веры в прошлый раз, не пожелала есть даже приبلудная кошка Дашка. Но Вера упрямо именовала сие подгоревшее безобразие кулебякой, потому что под таким названием оно, видите ли, проходило в домашней энциклопедии.

Руки надо повыдергивать сочинителям этих идиотских рецептов, подумал я и протяжно зевнул.

Пришла Светочка. Но выглядела она так непривычно, что меня будто холодной водой окатили, затем встряхнули и резко поставили на ноги.

– Что с тобой? – крикнул я, пересекая комнату в два прыжка. – Тебя обидели?

Я крепко держал ее за поникшие плечи, не позволяя вернуться для того, чтобы спрятать навернувшиеся на глаза слезы.

– Нет, – прошептала Светочка, – меня не обидели. Только испугали очень.

– Кто? – Короткий вопрос еле протиснулся сквозь мое сдавленное горло.

– Дядя один. – Она прерывисто вздохнула. – Сам лысый совсем, а борода, как у разбойника. И вся щека исцарапана.

Душман, сообразил я, метнувшись к двери. Светочкин голосок остановил меня на пороге:

– Его там нет. Он велел передать записку, а сам сел в машину и уехал. – Новый вздох сотряс худенькую фигурку моей дочери.

– Где записка? – спросил я. – Давай ее сюда.

Эмоции, переполнявшие меня, внезапно куда-то подевались. В моей душе сделалось пусто, как в шарике, из которого выпустили воздух. Как в свежерытой могиле, которая еще только ждет свой гроб.

Расправляя перед глазами лист бумаги, я слышал над ухом встревоженное дыхание Веры и едва сдерживал желание поддеть ее подбородок плечом. На листе виднелись следы многократных сгибов, как будто послание специально готовилось таким образом, чтобы оно могло уместиться в маленькой детской ладошке. Текст был набран четким компьютерным шрифтом и отпечатан на лазерном принтере.

«Бодров! Выйдешь на улицу в 21.00 и сядешь в машину, которая будет тебя ждать. До встречи».

– Прямо-таки послание Фантомаса, – прокомментировал я прочитанное, надеясь, что голос мой беззаботен и ироничен. – Просто обхохочешься! – Вспомнив, как проделывал это зеленолицый злодей из древнего французского фильма, я размеренно произнес: – Ха, ха, ха!

– Кто такой Фантомас? – спросили Вера и Света в один голос. Они обе были из другой эпохи, где ничего страшнее карьеры и несвежего дыхания не наблюдалось.

– Это такой импортный Карабас-Барабас, – пояснил я, обращаясь в основном к дочери, глазенки которой блестели уже не от слез, а от проснувшегося любопытства.

– А Карабас кто?

Ну да, имя этого персонажа тоже был для Светочки пустым звуком. Былые сказочные герои давно повымирали, как мамонты. Детворе осталось восторгаться кретинскими шуточками Бивеса и Батхеда, методично гонять по экранам 16-битных героев да мечтать, что однажды они все поголов-

но станут маленькими принцами или принцессами шоу-бизнеса. Все это машинально пронеслось в моей голове, но ответ я так и не успел придумать, потому что в глаза мне вдруг бросилась одна деталь, которую я до этого не заметил.

Толстая прозрачная леска слегка зеленоватого оттенка, способная выдержать на весу стокилограммового сома. Она была завязана в петлю, только узел соорудили не скользящий, а затянули его намертво. Петля охватывала тоненькую шею Светочки. Свободный конец свисал за ее спиной до самого пола.

– Дай нож, – велел я Вере и только потом обратился к дочери: – Откуда у тебя это украшение?

– Тот бородатый дядя сначала дал мне записку, а потом надел на меня эту гадость. – Светочка с трудом втиснула палец между леской и горлом, подергала и призналась: – Никак не развязывается. Я старалась-старалась...

– Убери руку, – попросил я. Лишь когда лезвие ножа осторожно перерезало леску, я задышал полной грудью, словно до этого удавка находилась на моей собственной шее. Впрочем, когда я заговорил снова, голос мой звучал немного искаженно: – Этот бородатый дядя, этот... – С трудом проглотив эпитеты, которые так и просились на мой язык, я закончил: – Он что-нибудь передал мне на словах?

– Да! – оживилась Светочка. – Вспомнила! Если ты заупрямишься, меня подвешат на точно такой же леске. И предупредил, что петля отрежет мою славную головку. Разве та-

кое может быть, папа?

Меня словно железным ломом в сердце саданули. Пока я безмолвно хватал ртом загустившийся воздух, на помощь пришла Вера.

– Больше слушай всяких больных идиотов! – презрительно воскликнула она, увлекая Светочку к столу. – И не надейся, что из-за подобной ерунды я позволю тебе отлынивать от работы. Сейчас я займусь начинкой, а ты – тестом.

Вера всегда была твердо убеждена в том, что сюсюканье и всякие телячьи нежности только ослабляют людей, мешают им собраться в моменты опасности. Вот и ко мне она обратилась тоном, в котором трудно было заподозрить сочувствие:

– Ты поедешь?

Светочка гремела умывальником на веранде, разыгрывать перед ней невозмутимость и спокойствие пока что не было никакой необходимости, поэтому я мрачно процедил:

– Куда я денусь?

– Может быть, мы все-таки успеем скрыться?

Я посмотрел на валяющуюся у моих ног леску и медленно покачал головой:

– От таких приглашений не отказываются, Вера.

– Я бы поехала с тобой, – сказала она, – но ведь ты скажешь, что мне придется позаботиться о Светочке, да?

– Да. Считай, что уже сказал.

Повернувшись к Вере спиной, я отправился в соседнюю комнату, куда никто из нас обычно не заходил. В ней умерла

хозяйка дома, и здесь всегда было темно и прохладно из-за наглухо зашторенных окон. В полумраке призрачно белела горка подушек, ни на одну из которых я не решился бы положить голову. В углу таинственно мерцали кустарные оклады дешевых иконок.

Я выбрал среди репродукций изображение Христа. Темный лик, пронзительный взгляд, маленький рот, незнакомый с улыбкой. У такого – сурового и отчужденного – невозможно было просить помощи и защиты. Оставалось уповать только на себя самого. Вернувшись в гостиную, я нацепил на запястье браслет часов, сунул в рот сигарету и приготовился ждать. Со стороны мое состояние походило на дрему. Но я никому бы не пожелал узнать то, что творилось в моей душе или виделось мне под сомкнутыми веками.

Глава 2

1

За всю дорогу мы не обменялись ни единым словечком — я и Душман. Он пялился на освещенную галогенными фарами дорогу, я в основном любовался его затылком, мысленно нанося по нему удары самыми разнообразными предметами, как тупыми, так и острыми. Наверное, он чувствовал мой убийственный взгляд, но петля, витающая над головой дочурки, связывала мне руки. Поэтому-то и надсмотрщиков ко мне не приставили. Я сам лез в пекло, как это водится на Руси. Добровольно и с песнями.

Езда по шоссе заняла около получаса. Потом начались окольные пути. Темный лес, не менее темные поселки. Каждый раз, когда мы выбирались на открытое пространство, ночное небо слева от меня наливалось болезненным румянцем. Это сверкала-переливалась миллионами огней невидимая Москва.

— Подъезжаем, — соизволил вымолвить Душман. Он произнес это таким торжественным тоном, словно намеревался показать мне все семь чудес света сразу.

Благоговение меня не охватило. Кем бы ни был человек,

столь настойчиво желавший пообщаться со мной, я его заранее ненавидел. И не ожидал ничего хорошего от нашей встречи.

Финишная прямая оказалась заасфальтированной настолько скверно, что машину начало подбрасывать, как легкую байдарку на стремнине. Вскоре фары выхватили из темноты бесконечную ограду, увенчанную колючей проволокой. Очень похожие плиты мне доводилось видеть на взлетных полосах аэродромов. Только здешние торчали вертикально. Колония строгого режима? Я подозревал, что это так и есть, пока перед нами не открылись самые обычные на вид железные ворота. Охраняли их не представители доблестных внутренних войск, а двое молоденьких парнишек совершенно не бандитской наружности, хотя и коротко стриженные. Оба в оливковых рубашках с декоративными погончиками и нагрудными карманами, у каждого по черной повязке на рукаве. Если здесь объявлен траур, подумал я, то мое настроение придется очень кстати.

Когда машина проезжала мимо часовых, они синхронно вскинули руки, точно намеревались помахать нам вслед. Насколько я успел заметить, вооружены они были только дубинками, но первое впечатление часто бывает обманчивым.

Вдоль подъездной дорожки, выложенной розоватой плиткой, тянулся низкий кустарник, выглядевший таким ровным, как будто его обработали гигантской бритвой. В сочетании с вытопанной, как на пастбище, травой такое усердие садов-

ников выглядело по меньшей мере странным.

Трехэтажный дом, к которому доставил меня Душман, ничем не напоминал особняк в новорусском стиле. Длинный, приземистый, серый, он больше всего смахивал на барак или казарму. Над входом болталось черное полотнище, освещенное специальным прожектором. Надо было досмотреть новости до конца, подумал я. В стране объявлен всеобщий траур, а я ничего не знаю.

– Кого оплакиваем? – спросил я Душмана. Не то чтобы я сильно стремился установить с ним контакт. Просто неизвестность терзала меня все сильнее, а лучший способ скрыть свою тревогу и страх – куражиться как ни в чем не бывало.

– Совсем тупой? – грубо осведомился он, перехватив мой заинтересованный взгляд. – Это не флаг, а знамя, разве не видишь?

– Теперь вижу, – согласился я, выбравшись из машины. – Тут обосновались пираты?

– Придержи язык и передвигай ногами. – Душман, похоже обиделся. Он даже занес руку, намереваясь подтолкнуть вперед, но встретился с моим взглядом и передумал. – Шагай! – этим окриком он и ограничился.

Я широко улыбнулся, сделал приглашающий жест и распорядился:

– Прошу следовать за мной.

Душману невольно пришлось подчиниться. То ли от его негодующего сопения, то ли от порыва теплого ветерка, но

стяг ожил и лениво развернулся во всей своей мрачной красе. Присмотревшись к нему повнимательнее, я действительно не обнаружил на полотнище ни малейших признаков черепа с перекрещенными костями. Возьмите «Черный квадрат» Малевича, наложите на него рубиновую звезду, перечеркнутую сдвоенной эсэсовской молнией, и вы получите представление о потрясном шедевре, открывшемся моему взору.

Мне вдруг почудилось, что я нахожусь среди декораций к музыкальному клипу какой-нибудь фашиствующей группы типа «Рамштайн». Но не подъем от этого я испытал, а уныние. Тем более что до сих пор оставалось загадкой, какая роль будет отведена здесь лично мне.

Нас запустили в дом, и освещение внутри оказалось настолько скудным, что мне даже не пришлось шуриться после ночного путешествия. Щекастого ублюдка с мафиозными усиками я опознал сразу, хотя он стоял в дальнем конце помещения и был переодет в одежду, более приличествующую взрослому мужчине, чем пляжные шлепанцы, великоватые шорты и попугаистая рубаша навывпуск. Теперь этот тип развесил свои щеки поверх стоячего воротника оливкового френча, а под брюками нормальной длины угадывались ботинки изящного фасона. Черной повязке на его рукаве я уже не удивился. Точно такая же красовалась на предплечье привратника, отворившего передо мной дверь.

Повысив голос, чтобы быть хорошо услышанным и пра-

вильно понятым, я сказал с упрёком:

– Надо было предупредить меня, что у вас намечается бал-маскарад. Я хотя бы лицо размалевал.

– Об этом не беспокойся, Бодров, – плотоядно ухмыльнулся Душман. – Будешь выпендриваться, тебя так разукрасят, что родная дочь не узнает. – Улыбчиво оскалив все свои резцы с клыками, он уточнил: – В морге.

Напоминание о Светочке отбило у меня всякую охоту шутить. Будь у меня уверенность в том, что в случае моей безвременной кончины жену и дочурку оставят в покое, кое-кому из присутствующих не сносить головы – лысой, как бильярдный шар.

– Кто здесь назначил мне свидание? – спросил я, неспешно направляясь к щекастому знакомцу.

В этом помещении, слишком просторном для прихожей и чересчур убогом для холла, явственно пованивало какой-то дезинфекционной гадостью.

Душман двинулся было за мной, но щекастый жестом отослал его обратно. Меня же он удостоил целого монолога:

– Вот и свиделись, Бодров. Не стоило утром Ваньку валять. Человек, который пожелал с тобой встретиться, умеет настоять на своем. Я его личный секретарь. Можешь называть меня Германом Юрьевичем...

– Очень приятно, Геша, – дружелюбно сказал я.

– Герман Юрьевич. – Во время этого уточнения голос и щеки моего собеседника возмущенно дрогнули.

– Конечно, Геша. – Я понимающе кивнул. – Тебя зовут Германом Юрьевичем. А кто твой хозяин, Геша? Только не говори, что это граф Дракула собственной персоной. Я не захватил валидол.

Щекастое лицо цвета бордо недовольно смялось да так и не разгладилось до конца нашего разговора. Незнакомый мне папа Юра воспитал странного сына. Не более грозного, чем земляной червь, но злобного, как кобра. И шипеть он умел громче проколотой шины:

– Послуш-шай, мразь! Прекращ-щай корчить из себя шшута горохового! Здесь и не такие герои привыкают передвигаться на коленях. Не забывай, как и почему ты оказался здесь.

– Я все помню, Геша. – От моей улыбки не осталось и следа. – А если ты еще раз вздумаешь угрожать мне, то сначала позвони домой. У тебя есть жена?

– Есть, а что? – Он растерялся. – Почему это я должен ей звонить?

– Чтобы предупредить: мол, дорогая, явлюсь я к ужину поздно, месяца через полтора, не раньше. Весь загипсованный.

Я не боялся расправы над собой. Страх за Светочку был сильнее, чем чувство самосохранения. Геша, лишенный мною отчества и апломба, почувствовал мою отчаянную решимость, догадался, что обламывать меня не время и не место. Пару секунд он задумчиво глядел куда-то поверх моей

головы, явно испытывая искушение кликнуть здешнее траурное воинство на подмогу, но благоразумие взяло в нем верх. Хозяин наверняка не отдавал приказа калечить меня или убивать. Для этого вовсе не обязательно было вытаскивать меня из Подольска. А раз так, то я находился в полной безопасности до того момента, пока я буду представлять для него интерес. И тут моя дерзость могла сослужить мне хорошую службу. Странно, но факт: хозяева ненавидят своих особо усердных жополизов и обожают, когда их ставят на место.

– Нехорошо ты себя ведешь, Бодров. – Геша перестал налегать на шипящие и попытался закусить свои усики, хотя для этого нужно было либо отрастить их подлиннее, либо вывихнуть нижнюю челюсть. – Тебя пригласили в гости, а ты хамишь. Так дела не делаются... Ладно, иди за мной. Босс пока занят, но ты можешь понадобиться ему в любую минуту, а он не любит ждать.

– Как все-таки зовут твоего нетерпеливого босса? – поинтересовался я, послушно совершая восхождение по узкой крутой лестнице с громыхающими металлическими ступенями.

– Обращайся к нему по имени-отчеству, – поучал меня на ходу Геша, уже смилившийся с тем, что для меня он никакой не Юрьевич и не станет им никогда. – Владимир Феликсович. Фамилия у всех на слуху: Дубов.

– Известная личность, – согласился я, когда мы пересчи-

тали ногами все ступени и очутились в торце третьего этажа. А здесь не удержался от ехидного уточнения: – В далеком прошлом.

– В ближайшем будущем тоже, – напыщенно заявил мой провожатый, вызвав у меня скептический смешок. Вход в длинный коридор преграждали две очередные оливковые рубашки с черными повязками. Для посетителей был оборудован специальный закуток, обозначенный явно не декоративной решеткой. Здесь Геша устроил меня в кресле за низеньким столиком, а сам поспешил куда-то с докладом.

Разглядывать потолок или молчаливую парочку почти идентичных истуканов мне наскучило уже через пять секунд. Зато на столике обнаружилось два журнала: один шведский, с лоснящимся женским влагалищем чуть ли не на всю обложку, а другой отечественный, с вдохновенным лицом Дубова, потрясающего кулаком. Справедливости ради должен заметить, что вторую фотографию я разглядывал с большим удовольствием, чем первую.

Звучная фамилия и самодовольная физиономия Дубова одно время являлись такой же обязательной частью политической жизни, как выход клоуна на цирковую арену. Задиристый, здоровенный, с кудрявой седой шевелюрой, он был у всех на виду, вездесущий и неутомимый. Вечно с кем-то спорил, скандалил, сыпал в микрофон непарламентскими выражениями, пылко противоречил своим оппонентам и самому себе. Каждое его появление на телеэкране было интригую-

щим, потому что никто никогда не знал, чего ожидать от Дубова в следующий момент: плевок в нацеленный на него объектив или проникновенного обещания честно распределить свои капиталы между всеми соотечественниками без исключения – по 27 центов на рыло. Президенту он готов был выделить целый доллар. А коммунистам однажды посулил добавку в виде бесплатного погребения, если они дружно повесятся на фонарных столбах.

Хулиганил Дубов на политическом небосклоне несколько лет подряд, но, потерпев разгромное поражение в очередном избирательном марафоне, неожиданно сошел с дистанции и вот уже года три-четыре как сквозь землю провалился вместе со своей партией. Как же она называлась? Помнится, аббревиатура всегда казалась мне забавной.

– ДСП? – пробормотал я, мучительно хмурия лоб. – ГСМ? ЛСД?

– Не стоит себя утруждать, – усмехнулся неслышно возвратившийся Геша. – Владимир Феликсович партию давным-давно реорганизовал и переименовал. Пэ-Эр – так она называется теперь. Всего две буквы, Бодров. Думаю, тебе это будет несложно запомнить. – При этом он посмотрел на меня так, словно сильно сомневался в моих умственных способностях.

– Пэ-Эр? – переспросил я. – Насчет «П» мне все ясно, вот она. – Я ткнул пальцем прямехонько в щель, зияющую на обложке порнографического издания. – А что означает «Р»?

Расширенная? Или, может быть, рабочая?

Геша поморщился, словно его заставили понюхать что-то непотребное, и сухо сказал:

– Новая партия Дубова носит название «Патриот России». Не забывай, что он является ее лидером и его могут оскорбить твои идиотские каламбуры. Тебя проводят к нему через... – он сверился со своими часами, – ...сорок минут.

– И какая программа намечается потом?

– Это зависит от твоего поведения. Мы увидимся снова в любом случае. – Геша мечтательно улыбнулся, прежде чем добавить: – Знаешь, Бодров, я очень надеюсь, что боссу ты не понравишься точно так же, как не нравишься мне.

С этой светлой мечтой он удалился, но меня еще некоторое время не покидало ощущение, что я выслушал не человеческую речь, а злое завывание ветра в трубе.

2

Мое вынужденное одиночество скрасил молодой душой человек, почти сорокалетний возраст которого компенсировался бейсболкой, лихо развернутой козырьком назад, и легкомысленными очечками с оранжевыми стеклами. Под его джинсовой безрукавкой угадывалась пухлая безволосая грудь. Когда подобной обзаводятся десятилетние девочки, одноклассники начинают запускать им за пазуху нетерпеливые руки.

Вначале я принял его за такого же посетителя, как я сам, но по поведению подобранных охранников догадался, что вижу перед собой человека, не последнего в этом доме. Развалиться на диване с такой вальяжностью не сумела бы даже дорогая шлюха или дешевая поп-звезда.

Не обращая на меня никакого внимания, незнакомец с остервенением поскреб джинсы между ногами, прихватил со стола шведский журнальчик и вновь откинулся назад. По мере того как до него доходило, что именно красуется перед самым его носом, зрачки за оранжевыми стеклышками постепенно темнели и расширялись. Я уж решил, что этот тип опять примется чесать свою промежность и не успокоится, пока там не пройдет зуд, но в это мгновение журнал трескуче разорвался на две половины, и они разлетелись в диаметрально противоположных направлениях. Для этого возмущенному незнакомцу было достаточно взмахнуть руками, как крыльями. Получилось очень похоже на индюка, которому поддали ногой под зад.

– Кто выложил на стол эту гадость?! – пронзительно заверещал он.

Можно было предположить, что вопрос адресован мне, но на него откликнулся один из охранников:

– Ваш отец распорядился. Сказал, что людей интересуют только деньги, секс и политика.

– Да? – вздорно осведомился блюститель нравственности. – Где же тогда деньги?

– Там лежали сто долларов, – проинформировал его охранник. – Спер кто-то.

– А вы здесь для чего поставлены? Мух ловить? – Не дождавшись в ответ ничего, кроме сконфуженного молчания, он подозрительно глянул на меня. Нетрудно было догадаться, что я вижу перед собой родного отпрыска Дубова. Те же вызывающие замашки, та же непокорная кудлатость волос. Его отчество не вызывало ни малейшего сомнения – Владимирovich. А имя папаша наверняка подобрал ему редкое и звучное.

Словно прочитав мои мысли, Дубов-младший представился:

– Я Марк. – Произнесено это было с таким апломбом, как если бы передо мной находился сам римский император Марк Аврелий, только что дописавший свой философский трактат «Наедине с собой».

Мне не оставалось ничего другого, как чистосердечно признаться:

– А я Игорь.

– Да знаю я. – Марк пренебрежительно отмахнулся. – Знаю, кто ты такой и зачем находишься здесь.

– Я бы тоже не прочь выяснить, зачем меня пригласили. Может, просветишь темного? – Я «тыкнул» ему с такой непринужденностью, словно мы вместе выпестовали не одно стадо свиней, но он даже глазом не моргнул за своими оранжевыми стекляшками.

– Тебя не пригласили, а доставили, Бодров. – Резкий голос Марка по тембру мало отличался от того, каким любят изъясняться сварливые бабы. От этого его ремарка прозвучала особенно раздражающе. Лучше бы он просто поводил вилкой по стеклу.

– Пусть доставили. – Не желая затевать беспредметный спор, я согласно наклонил голову. – Но с какой целью?

– Ты ведь писатель, – напомнил мне Марк, заметно смягчившийся от подчеркнутого внимания к своей персоне. При этом он развалился на диване еще вольготнее. Если бы он съехал еще хотя бы на пару сантиметров ниже, его поза перестала бы считаться сидячей. Вот в ней он и удосужился довести свою мысль до конца: – У тебя должно быть хорошо развитое воображение, не так ли, Бодров?

Я только развел руками. Мол, мое воображение не может сравниться с твоей прозорливостью.

Валяй, Марк, выкладывай все начистоту, потребовал я мысленно. Не томи меня, Марк. Я должен быть в курсе событий, чтобы выбрать правильную линию поведения при знакомстве с твоим папашей.

– Пересядь сюда. – Он похлопал рукой по кожаной обивке дивана.

Решил со мной посеCRETничать? Я встал и, перехватив адресованный мне взгляд, неожиданно понял, что имеют в виду женщины, когда говорят о развратных типах, раздевающих их глазами. Марк откровенно пялился на ширинку мо-

их джинсов, он даже очкам позволил соскользнуть на кончик носа, чтобы исключить какой-либо оптический обман. Рука, указавшая мне место посадки, оставалась на прежнем месте, как бы приглашая уместить зад прямо на нее. Вовремя сориентировавшись, я достал из тесных карманов пачку сигарет, зажигалку и снова опустился в кресло.

Марк раздраженно убрал руку, положил ее на свое колено, а потом и вовсе забросил за голову. Я настороженно наблюдал за перемещениями его конечности. Будь это гремучая змея, я и то чувствовал бы себя в большей безопасности. А на месте Дубова я прятал бы такого сына в погребе с картошкой, вместо того чтобы позволять ему свободно разгуливать по дому среди молоденьких охранников.

– Ты что-то хотел мне сказать? – напомнил я, отгородившись от Марка дымовой завесой. Слабая на нее была надежда, но лучше такая преграда, чем совсем никакой.

– Мой отец серьезно болен, – изрек он с озабоченным видом.

Это ты серьезно болен, подумал я, а сам вежливо осведомился:

– Неужели? Надеюсь, у него не СПИД?

– Хуже. Значительно хуже. Мания величия плюс маразм в начальной стадии. Он перестал контролировать свои действия. Ведет себя как малое дитя.

Когда Марк удрученно причмокнул губами, он сам сделался похожим на перекормленного младенца, у которого

отняли грудь. Впрочем, когда я вспомнил, что посасывает это создание отнюдь не материнское молочко, у меня пропало всякое желание умиляться.

Оглянувшись на охранников, старательно притворяющихся глухими, я понизил голос и спросил:

– Хочешь сказать, идея привезти меня сюда была бредом сумасшедшего?

– Не совсем. – Марк продолжал разговаривать громко, нимало не заботясь о посторонних ушах, развернутых в нашу сторону. – Отец вбил себе в голову, что человечество не может обойтись без его подробного жизнеописания. Две биографии уже опубликованы. Первая называется «Моя жизнь» и охватывает период до августовского путча. Вторая, «Наше дело правое», прославляет его, как мудрого вождя самой передовой партии на свете. – Марк презрительно скривился. – Пришел твой черед продолжать эту сагу, Бодров. Название отец заготовил: «Патриот России». Так что дело за малым. – Он ехидно захихикал.

Мне было не до смеха.

– Почему я? Какой из меня биограф? У меня плохая память на даты, имена, цифры...

– Отец содержит целую бригаду имиджмейкеров, они перелопатили все книги, изданные за последнее полугодие, и дружно решили, что твой стиль как нельзя лучше отвечает текущему моменту.

– Какому еще моменту? – пасмурно спросил я.

– Текущему, – терпеливо повторил Марк, словно имел дело с недоумком.

– Н-да? – Я кисло улыбнулся. – И в чем же особенность этого момента?

– А вот просмотри последнее отцовское интервью и поймешь, – предложил Марк, швырнув мне единственный журнал, оставшийся на столе.

Я раскрыл его на нужной странице и пробежался глазами по строчкам, пропуская репортерские вопросы. Взгляд выхватывал в тексте отрывочные фразы, а мозг укладывал их в осмысленную мозаичную картину.

...Не существует никакой чеченской проблемы, существует проблема производства напалма... Две-три новых Варфоломеевских ночи, и в России забудут, что такое терроризм, бандитизм и коммунизм... Пора возродить воинственный дух в крови славян... Твердая рука? Видите мой кулак?... За мной сорок миллионов россиян. По остальным Израиль плачет... Родина в опасности! Пора создавать народные ополчения, как в сорок первом...

Ох и Дубов! Почтище фюрера истерику закатил. Перед подобными откровениями так и напрашивался эпитафия: «Собака лает, ветер носит». Закрыв журнал, я метнул его на столик и признался:

– Все это я уже слышал. Разве что тема народных ополче-

ний звучит экстравагантно.

– Это не пустые слова, – возразил Марк. – В легионах «Патриота России» насчитывается уже до тысячи прекрасно обученных юношей.

Я обернулся на задравших носы охранников, с сомнением осмотрел их с головы до пят и деликатно заметил:

– Что ж, военные игры пойдут молодежи на пользу, особенно на свежем воздухе. Лично я тоже когда-то любил играть в солдатиков. Вполне естественное для мужчины увлечение, верно?

Вернув голову в исходное положение, я обнаружил, что Марк опять прожигает взглядом джинсы между моих ног. Вот почему он оставил мой последний вопрос без ответа. В детстве его наверняка интересовали куклы, а не солдатики.

Я закинул ногу за ногу, прикурил новую сигарету и постарался опять напустить побольше дымного тумана. Неохотно переместив взгляд с моей нижней половины на верхнюю, Марк поднялся с дивана и сделал знак следовать за ним. Я подчинился, надеясь, что намечается не совместный поход в сауну. К моему величайшему облегчению, мы остановились на лестничной площадке, на самом краю крутого спуска. Если бы Марк вздумал распускать здесь руки, он переломал бы их вместе с ногами, катясь кубарем вниз.

– Здесь нас никто не услышит, – сообщил он мне с таинственным видом.

Бросив взгляд на лестницу, я машинально прикинул,

сколько шума наделает насильно спущенный по ней человек, но возражать не стал, а лишь кивнул с понимающим видом.

– Сегодня или завтра отец засадит тебя писать книгу и предоставит в твое распоряжение все необходимые материалы, – заговорил Марк. – Я должен иметь к ним доступ, но так, чтобы об этом не знала ни одна живая душа.

Я неуверенно pokrutil головой.

– Все зависит от требований, которые будут мне выдвинуты. Если с меня возьмут клятву или подписку о неразглашении тайны, то разве я смогу нарушить слово? – воскликнул я с пафосом.

– Не юродствуй, Бодров. – Марк поморщился.

– Я серьезен, как председатель Центробанка, обещающий стабильность рублевого курса.

– Нет, ты юродствуешь, – упорствовал Марк. – Твоя обычная манера поведения, когда ты оказываешься в затруднительном положении. Я ведь читал твои книги, Бодров. Особенно внимательно ту, первую, в которой описаны реальные события.

– Чушь! – возразил я. – Классику нужно знать! – Прикрыв глаза, я начал цитировать наизусть: «Любые совпадения с реально существующими...»

– Отец навел справки, – перебил меня Марк. – Ты написал правду. Это одна из причин, по которой он остановил выбор на тебе... Хочешь три тысячи долларов, Бодров?

– А? – растерялся я. Концовка фразы прозвучала слиш-

ком уж неожиданно.

– Три тысячи долларов и полная конфиденциальность, – развил свою мысль Марк. – Соглашайся. Я ведь могу значительно облегчить твою жизнь, а могу и усложнить ее до крайности. Ну, что скажешь? Мы договорились?

Он ждал ответа так нетерпеливо, что пришлось мне выдать из себя:

– М-м...

С равным успехом это могло означать и «да», и «нет» – вот в чем прелесть междометий. Впрочем, мычать мне больше не пришлось, потому что в следующий момент запыхавшийся охранник доложил, что доступ к телу вождя наконец открыт.

3

Вставшая на дыбы кобылица в кожаной сбруе – вот кого напоминала секретарша, представшая передо мной в приемной Дубова. В таком эротическом наряде да с плеткой-семихвосткой в руках ей бы заправскую садистку в борделе изображать, а не охранять покой спасителя нации. Я завертел головой по сторонам, заподозрив, что попал отнюдь не туда, куда собирался.

– Вас ждут, – напомнила двухметровая кобылица, улыбочиво оскалив зубы до самых десен.

Ее лицо при этом приобрело определенное сходство с ло-

шадиным, но голос оказался певучим, ничуть не напоминающим ржание, которого от нее можно было ожидать. Непридуманно поправив левую грудь, норовящую выпрыгнуть из чашечки черного лифчика, она прошла мимо меня к двери кабинета, чтобы предупредительно открыть ее перед моим носом. Проводив взглядом ее грандиозные веснушчатые ягодичы, разделенные каким-то жалким шнурком, я подумал, что при виде таких пышных форм у неуравновешенного человека запросто могут пробудиться каннибальские инстинкты.

Несмотря на то что разминуться с выпяченными ягодичами мне удалось благополучно, в кабинет я ввалился с несколько очумелым видом, а получив приглашение присесть на стул, опустился на него лишь со второй попытки. Заметив мое состояние, единственный обитатель кабинета удовлетворенно хохотнул за своим столом:

– Впечатлений – море, а, писатель? Мне один умник-психолог порекомендовал эту шокотерапию. На мужиков действует безотказно. Валит наповал! До тебя был следователь из прокуратуры. Так он полное название своей должности забыл, когда в приемной попарился. Они же там все поголовно онанисты или импотенты...

Пока Дубов посвящал меня в тайны сексопатологии, я внимательно разглядывал его, не в силах избавиться от ощущения, что вижу перед собой телевизионное изображение, а не живого человека. Эта заносчиво выпяченная нижняя гу-

ба, эти буйные седые кудри, этот длинный нос, вылепленный так, чтобы его было удобно совать в каждую дырку... Казалось, вот-вот голос за кадром сообщит, что время прямого эфира истекло, и физиономия Дубова сменится рекламной заставкой.

Я даже не заметил, как он заговорил о другом, но когда он обратился ко мне с вопросом, был вынужден ляпнуть с самым идиотским видом:

– А?

– Хрен на! Спрашиваю: жрать хочешь? Могу предложить отличный ростбиф из оленины. С кровью. Пища настоящих мужчин.

Машинально воскресив в памяти голые ляжки секретарши, покрытые рябью веснушек, я помотал головой:

– Нет, спасибо. Я ужинал.

– Тогда как насчет пивка? Собственного производства, между прочим.

Пиво «Дубняк» я частенько видел в продаже, но так ни разу и не удосужился его попробовать. Взял однажды с прилавка бутылку с портретом однофамильца, глянул на содержимое и почему-то сильно засомневался, а надо ли его пить. Классические названия типа «Оболонь» или «Балтика» устраивали меня больше.

Я снова покачал головой и ненавязчиво напомнил:

– Время позднее. Если я не ошибаюсь, у вас есть ко мне какое-то дело. Крайне важное.

– С чего ты взял, что дело важное? – насупился Дубов. Напрасно он это сделал. И без того вид у него был то ли болезненный, то ли не очень трезвый.

Я пожал плечами:

– Из-за всяких пустяков никто не стал бы пугать до смерти восьмилетнюю девочку, верно?

Он помолчал, а потом ткнул большим пальцем через плечо и спросил:

– Видишь, что там, писатель?

Такую огромную и подробную карту Российской Федерации я созерцал лишь один раз в жизни, когда судьба случайно занесла меня в кабинет начальника железнодорожного управления. Та, которая занимала всю стену позади Дубова, была испещрена пометками непонятного назначения, разноцветными флажками и маленькими фотопортретами неизвестных мне лиц. Мне подумалось, что примерно так должна видеться Россия из кабинета директора ЦРУ, отслеживающего раскинутую агентурную сеть.

– Когда я спрашиваю, нужно отвечать, – прикрикнул Дубов. – Повторяю! Что находится за моей спиной?

– Карта, – сказал я, пожимая плечами. – Масштаб 1: 750 000.

– Болван! – с чувством произнес Дубов. – Какой же ты писатель? Воображения – ноль! Это же Российская империя! Великая и многострадальная держава. Оптом ее уже продали. Теперь торгуют в розницу. Сегодня она лишь на мне дер-

жится, на моем горбу!

В глубине души я сильно усомнился. Помимо кудрявых локонов, у этого человека не было ничего общего с атлантом. Вряд ли Всевышний рискнул доверить его покатым плечам столь ответственную и тяжелую ношу.

Поскольку свои мысли я оставил при себе, Дубов приписал мое молчание благоговейному согласию и возвысил голос еще на три четверти тона:

– Я не вправе жалеть каждую маленькую девочку! Я должен думать о всех сразу, о целом народе! – Его правая рука описала над столом такой порывистый и широкий жест, что едва не смахнула на пол бюст Гитлера, соседствовавший почему-то со статуэткой Будды. – Но я не жалею и себя самого. – Опять понизив голос до уровня доверительной интонации, он предложил: – Присмотрись-ка ко мне хорошенько... Как я выгляжу?

«Дерьмово!» – вот что сказал бы я, если бы вдруг решил по дурусти, что от меня ждут искреннего ответа.

– Ну... в сравнении с годовалым бутузом из рекламы памперсов вы, конечно, проигрываете, – так дипломатично выразился я на самом деле.

– Именно! – Он одобрительно кивнул и выпятил губы так, словно намеревался послать мне воздушный поцелуй. – Ты первый сказал мне правду, вместо того чтобы подсластить горькую пилюлю. Молодец, писатель! Уважаю!

– Да любой, кто вас увидит, сразу догадается, что вы не с

горного курорта вернулись, – поскромничал я.

– Нет! Даже самые близкие люди мне врут. Подлецы и лицемеры! По их словам, я хорошою с каждым днем. Цвету и пахну. Хотя на самом деле... – Он обреченно махнул рукой.

– Неужели так плохо со здоровьем? – вежливо поинтересовался я, позаботившись, чтобы в моем тоне не прозвучало ни одной радостной нотки.

– Хуже некуда. Все эти годы я работал на износ, и вот результат: рак желудка. Высокопарно выражаясь, аденокарцинома. – Дубов бросил на меня испытующий взгляд, явно опасаясь пропустить тот момент, когда я начну горестно заламывать руки, разрыдаюсь или брякнусь в обморок.

Я усидел. Разве что поерзал на стуле, принимая более удобную позу. С несколько разочарованным видом он спросил:

– Теперь ты догадываешься, зачем понадобился мне?

– Весьма смутно, – признался я. – Намечается что-то вроде предсмертной исповеди? В таком случае, честное слово, лучше бы вы обратились к священнику, а не к писателю.

– Юлишь! – Обогнув стол, он остановился напротив меня и вдруг заорал, обдав меня брызгами слюны и волной перегара: – Ты отлично знаешь, что от тебя требуется! Мой великовозрастный балбес все тебе выложил, пока вы строили друг другу глазки! О чем еще вы шушукались в укромном уголке?

Забросив ногу на ногу, я вынудил собеседника держать-

ся на некотором расстоянии от подошвы своего запыленного башмака, после чего невозмутимо заметил:

– У вас неверная информация. Шушукаться приспичило Марку. Я просто слушал. Потом сказал ему, что в эти игры не играю, вот и все.

– Какие игры? – насторожился Дубов, сделавшись очень похожим на медведя, поднявшегося на дыбы.

– Те, – сказал я, – от которых у женщин дети рождаются, а у мужчин случается выпадение прямой кишки. Извините, но ваш сын только позорит известную фамилию.

Я внутренне напрягся, ожидая реакции собеседника. Учитывая его гонор и импульсивность, ошибка могла обойтись мне дорого. Но я попал в точку.

– Марк – законченный негодяй и подонок! – прошипел Дубов, размашисто направляясь к сервировочному столу на колесиках, уставленному по большей части разнообразными бутылками, а не тарелками. – Проклятый извращенец! Ни одних штанов не пропустит мимо себя!

Юбки его тоже могли бы заинтересовать, добавил я про себя, имея в виду те, которые носят brave шотландцы, не боящиеся простатита.

Даже если бы я обладал способностью передавать мысли на расстоянии, Дубов все равно не сумел бы уловить ни одной. Слишком уж он был поглощен собственными идеями, требующими немедленного воплощения в жизнь. Жадно хлебнув из квадратной бутылки чего-то золотистого, он тут

же приложился к другому горлышку, и, даю голову на отсечение, оттуда полился отнюдь не прохладительный напиток.

– Кха! – произнес он, а после небольшой паузы добавил: – Фу-ух!

Я сочувственно цокнул языком. Называется: поговорили.

От нечего делать я обвел взглядом кабинет. Главной его достопримечательностью являлась стена, увешанная сверху донизу изображениями Дубова в обществе всевозможных колоритных персонажей с узнаваемыми физиономиями. Вот он на футбольном поле среди основного состава «спартаковцев»... А вот за столом с самым лысым и усатым бардом страны... Над убитым лосем с живым батяней-комбатом отечественной попсы... Рука то на плече кубинского диктатора, то на талии российской примадонны, то вообще черт знает где, издали не разберешь. Брюхо чаще всего прикрыто клетчатыми или рябыми пиджаками свободного покроя. Взъерошенная голова стабильно выдвинута на передний план, но иногда торчит где-нибудь сбоку, как, например, на банкете по случаю президентской инаугурации.

Одного лишь снимка не хватало для полноты картины: Дубов в одиночку хлещет водку прямо из бутылки. Именно этим он занялся, когда наспех закусил уже выпитое. Потом, сбросив пиджак, расслабил узел яркого галстука, с наслаждением поводил головой из стороны в сторону и мечтательно произнес:

– Лучше бы Марк алкоголиком стал, чем гомиком.

– Конечно, вдвоем выпивать веселее, – согласился я.

– Не хами, писатель, не надо, – попросил Дубов размягчившимся баском и взгромоздился внушительным задом на обширный стол. – Мой непутевый сын – моя боль. Ты не способен понять. У тебя нет взрослых детей.

– Зато у меня есть дочь Светлана, – напомнил я ровным тоном. – Та самая, которой по вашему приказу накинули на шею петлю из лески.

Он недовольно скривился:

– Про петлю в первый раз слышу. Я только распорядился доставить тебя сюда, остальное меня не касается.

– А меня вот коснулось, – сказал я. – И сильно задело.

Дубов не обратил на мои слова внимания. У него началась та стадия опьянения, когда человек упивается собственным красноречием, а окружающих почти не слышит. Это было функционирование в передающем режиме с отключенным приемом. Односторонняя трансляция. Попробуйте как-нибудь поддержать разговор с автоответчиком, и вы поймете, что я имею в виду.

Послушав его примерно с минуту, я пришел к выводу, что излияния Дубова чем-то напоминают неудержимый жидкий понос.

– Марк – полное дерьмо, – вещал он. – А его жена – настоящая засранка. Славная получилась пара. Не разлей вода.

– Жена? – Я чуть не поперхнулся сигаретным дымом.

– «Мисс Столица» не помню какого года. Зовет себя На-

тали, а на самом деле просто беспородная шавка из Кацапетовки. Тварь редкостная. Жадная и расчетливая сука. Скоро выгоню ее к чертовой матери. Пошла вон! На все четыре стороны!

Пока Дубов распинался перед отсутствующей Натали, я попытался представить себе дражайшую половину Марка. Вместо русской красавицы получался некто азиатской наружности, с волосатой грудью и развитой мускулатурой.

– Ваш сын... бисексуал? – осторожно предположил я.

– Он просто паскудный гомик, – отрезал Дубов. – Самый натуральный педераст. И, что обиднее всего, пассивный.

– Ничего, – утешил я расстроенного папашу, – со временем Марк, может быть, выберет активный образ жизни.

Пропустив мою подковырку мимо ушей, Дубов совершил очередной поход к сервировочному столику и, чего-то там хлебнув, заявил:

– Одна у меня отрада: Ириша, доченька моя. Вот кого я люблю так люблю. Умница, красавица... Да ты ее видел в приемной.

Я чуть не перекусил сигаретный фильтр пополам.

– Эта лош... эта девушка – ваша дочь?

– А то кто же! Говорят, мы с ней похожи, как две капли воды. – В голосе Дубова прозвучала нескрываемая гордость, словно он сам свою Иришу выносил, родил и вскормил грудью. Хотя никакие нормальные родители не позволили бы дочери дефилировать на людях в наряде из секс-шопа.

– Не опасно ли оставлять ее одну в таком... – Не найдя в своем словарном запасе приличного определения, я подсобрал фразу: — ...в таком виде?

– Иришу? – Дубов захохотал. – Она восточными единоборствами чуть ли не с пеленок занимается. Отважна, сильна, воинственна. Вся в меня. На прошлой неделе ей двадцать стукнуло, амазонке моей. Видал, как вымахала?

Разделив в уме 200 сантиметров Иришиного роста на 20 ее годков, я вынужден был признать:

– Да, приметная... гм... девица. Наверное, много корма требует?

– Что еще за идиотское словечко: корм! – раздраженно воскликнул Дубов и принялся быстро расхаживать по кабинету несколько развинченной походкой подгулявшего биндюжника. Галстук, телепающийся на его плече, едва поспевал следом.

– Я хотел сказать: питание. Всякие там калории, белки с углеводами... Она поэтому секретаршей подрабатывает? Чтобы обеспечить себе полноценный рацион?

– Совсем тупой или прикидываешься? – Дубов замер как вкопанный. – Что я, родную дочь обеспечить не в состоянии?

– Зачем же тогда ей в приемной отираться? – не унимался я.

– Да это так просто, шутки ради. Озорничает Ириша. – Дубов расцвел в улыбке и заговорил тем приторным тоном, который принят у родителей, рассказывающих о проказах

своих детишек: – Является ко мне как-то поп в рясе. Представляется здешним архангелом и...

– А не архиереем? – предположил я.

– Какая разница? Ты не перебивай, а слушай сюда! – Дубов нетерпеливо прищелкнул перед собой пальцами и продолжил повествование: – В общем, предлагает мне поп этот в восстановлении храма поучаствовать. Как тут откажешь? Святое дело. Я его из кабинета в приемную выставляю, чтобы у него крыша не поехала, пока я буду при нем банкноты отсчитывать. А в приемной Ириша... – Дубов еле сдерживался, чтобы не расхохотаться раньше времени. – Поп глазами: хлоп! Готов. Стал Иришу в попадьи клеить. Житие, мол, у него без бабы тяжкое. Она ему: говорят, священники кастрированные все, чтобы от благих помыслов не отвлекаться... Он: поклеп!.. Ириша: ладно, проверим. – Тут рассказ прервался первым прорвавшимся наружу прысканьем. – В общем, когда я на шум вышел, поп об стены головой бился! Ириша ему рясу задрала и – о-хо-хо! – на голове узлом завязала. Попляши, святой отец! Верхняя половина как в мешке оказалась, а штаны с трусами – и-хи-хи! – до щиколоток спущены. Мальчики мои обхохотались. Поп целый час выход искал, пока с лестницы не загремел – у-ху-ху... – Наткнувшись на мой взгляд, Дубов вдруг стал серьезен, как перед телекамерой. – Учти, писатель, – сказал он, недобро прищурившись, – эта история не для широких масс. Быдлу нужна вера. Церковь нуждается в быdle. Умный политик этим

пользуется. Я ведь денег этому попу все-таки дал. И на храм, и на лечение переломов. Он в обиде не остался.

– Еще бы! – воскликнул я. – Такая честь! Подачку из рук избранника народа получил, с его любимой дочерью пообщался. Она у вас, оказывается, шалунья. Жаль, у меня в молодости такой подружки не было. Уж я бы ей показал пару-тройку веселых приколов! Это ей не со священником развлекаться!

По мере того как звучала моя едкая тирада, лицо Дубова менялось к худшему, словно у него вдруг приключилось прободение язвы. Это означало, что внутри него произошло полное нарушение кислотно-щелочного баланса и душевного равновесия. Именно этого я и добивался. Оскорбленный в лучших чувствах папа Вова вполне мог выставить меня взащей и поискать себе другого придворного биографа, поговорчивей. Существовала также вероятность немедленной расправы надо мной, но была она мизерной, поскольку в Дубове сохранялось слишком много качеств шута горохового, чтобы считать его законченным деспотом. Итак, какую же кару он выберет для меня: позорное изгнание или казнь?

Не последовало ни того, ни другого. Посуровев до некоторого сходства со своими каноническими изображениями на плакатах, Дубов медленно процедил:

– Жалеешь, значит, что не познакомился с Иришей раньше? Что ж, это дело поправимое. Вот кликну ее сейчас и велю тебя тоже без штанов оставить. Гонору сразу поубавится.

Не знаю, какую там он кнопку нажал, а может быть, Ириша слушала наш разговор по громкой связи, но в кабинете она возникла незамедлительно. Сравнить ее с чертиком, выскочившим из табакерки, не позволяли лишь монументальные габариты.

– Тут у меня писатель совсем распоясался, – пожаловался Дубов. – Хорошо бы поучить его кротости и смирению, как залетного попика, помнишь? Я бы и сам его обломал, но он лично с тобой захотел поближе познакомиться. Уважишь гостя?

– Без вопросов, – откликнулась папина дочка Ириша, размашисто шагнув вперед.

Я поспешно вскочил, и отнюдь не этикет был тому причиной. В сидячем положении я ощущал себя перед Иришей жалким пигмеем. Оказавшись на ногах, превратился в маленького проказника, которого собирается отодрать за уши решительно настроенная тетенька. Несдержанный язык поставил меня в крайне неприятное положение. Как можно назвать мужчину, получившего взбучку от юной девицы? Да никак! После такого позора он никто. Дубов придумал наилучший способ указать мне мое место и заставить впредь держать свое недовольство при себе.

– Сам подойдешь или заставишь за собой гоняться по всей комнате? – осведомилась Ириша не предвещающим ничего хорошего тоном.

Из-за бесчисленных веснушек ее молочно-белая кожа ка-

залась покрытой налетом ржавчины. Волосы, заплетенные в тугую косу, обтягивали череп так туго, что он выглядел неестественно маленьким в сравнении с остальной фигурой. При взгляде на ее эротическую амуницию мне вспомнилось выражение «чертова кожа», хотя я понятия не имел, что она представляет собой на самом деле. Золотистые заклепки на черном сверкали, подобно созвездиям в ночном небе. Ботфорты на массивной подошве не придавали Ирише особого изящества, зато позволяли ей горделиво возвышаться надо мной, заранее презирая столь жалкого соперника.

Умп-умп-умп – трижды протопали сапоги-скороходы, приблизив владелицу сразу на три с половиной метра. Она тут же попыталась схватить быка за рога, вернее, меня за волосы. Мне показалось, что я отреагировал молниеносно, но, когда я отпрянул, в Иришином кулаке осталась темная прядь, которая уже никак не могла считаться моей. Машинально проведя рукой по взмокшему лбу, я обнаружил на тыльной стороне ладони ярко-красные мазки крови. Оцарапать меня с равным успехом могли как Иришины ногти бронзового цвета, так и короткие шипы напульсника, который я увидел на ее правом запястье. Хрен редьки не слаще, подумал я, чудом увернувшись от нового броска противницы. При этом я налетел на стул, любезно предложенный мне хозяином кабинета, и с трудом устоял на ногах.

Дубов захлопал в ладоши и пьяно загорланил:

– Браво, писатель! Ты продержался десять секунд. Но на

целый раунд тебя не хватит. Скоро останешься с расцарапанной рожей и без штанов!.. Давай, Ириша! Пусть знает наших!

Скверная заваривалась каша. Грозную на вид противницу можно было запросто уложить либо кулаками, либо каким-нибудь увесистым предметом, она бы и пикнуть не успела. Но Дубов умышленно стравил меня с девушкой, вместо того чтобы кликнуть своих желторотых орлов с дубинками. Избив или покалечив Иришу, я подписал бы смертный приговор не только себе, но и своей собственной дочурке. Как говорится, око за око...

Вот и получалось, что я был вынужден лишь обороняться, а наседавшая на меня дылда вела бой без правил. Уже не полагаясь на руки, которые дважды подвели ее, она принялась азартно лягаться ногами, обутыми в высокие ботфорты. Такого кордебалета я еще не видал!

Под восторженные возгласы папаши она загоняла меня в угол. Настоящая техника у Ириши отсутствовала, да она в ней и не нуждалась, поскольку ответных ударов я не наносил, а лишь блокировал те, что были адресованы мне. Ш-шух!.. Ш-шух!.. Черные голенища сапог да белые ляжки мелькали передо мной попеременно, а когда в лицо мне неслась подошва или униженный кольцами кулак, я успевал подставить раскрытую ладонь, локоть или плечо. Пока успевал.

Свободного пространства для маневров оставалось у меня все меньше, а Ириша сатанела все больше. Едкий запах пота, исходивший от ее разгоряченного тела, кружил голову по-

чище любых «шанелей» с «диорами». В результате энергичных отмашек ногами Иришины кожаные трусы почти исчезли между ее ляжками. Одного прицельного пинка по зажавшим их губам хватило бы для того, чтобы эта свистопляска прекратилась, но я по-прежнему только оборонялся, поэтому продолжение все следовало и следовало, а хеппи-энд никак не намечался.

В итоге я уперся спиной в стену, и в этот момент – кляц! – ботфорт раздробил стекло на одной из фотографий. Это произошло в нескольких сантиметрах от моей правой скулы – один из осколков чиркнул по моей коже.

Твердая преграда отбросила Иришу назад. Прежде чем она успела опустить нелепо задранную ногу, я поймал обеими руками подошву ее ботфорта и, разворачивая его носком к полу, одновременно толкнул от себя. Послушно крутнувшись в воздухе, Ириша понеслась прочь.

Знаете, что такое полет «ласточкой»? Теперь вообразите, что ласточка весит не менее восьмидесяти килограммов и ей придано внезапное ускорение. Ну а грохот, который наделала Ириша, приземлившись животом на письменный стол, превзошел всякое воображение. Это надо было слышать. И видеть.

Папаша взбесившейся кобылицы, только что ржавший, как мерин, досадливо вскрикнул. На пол посыпались канцелярские принадлежности и бутылки, которые Ириша достала ногами в полете. Сама она взвыла, как аварийная сире-

на, но ненадолго. Вопль прервался, когда Ириша перестала скользить по полировке и оглянулась на меня через плечо. Правильнее было бы написать: через задницу, потому что именно она маячила на переднем плане.

– Все. Теперь тебе... – прозвучало грязное словечко, иллюстрацией к которому послужило то, что раскорячившаяся на столе Ириша невольно выставляла напоказ.

Она принимала горизонтальное положение в несколько приемов. Движения ее были отрывистыми и неуверенными, как у поврежденной механической куклы. Застежка черного лифчика при падении лопнула, но Ириша не собиралась терять время ни на срывание с плеч бесполезных лямок, ни на стыдливые жесты. Позволив паре внушительных грудей болтаться как попало, она сразу направилась ко мне. Распахнутая жилетка, способная обогреть разве что домашнюю болонку, да ботфорты, в каждом из которых эту самую болонку можно было утопить, – вот и все, что осталось на девушке, спешащей ко мне на свидание. Трусы не в счет. Сзади они уже практически отсутствовали, а впереди съежились до размеров младенческой ладошки, которой было явно мало для того, чтобы прикрыть воинственно выставленный вперед лобок.

Я вывел Иришу из равновесия в буквальном смысле, а теперь собирался проделать то же самое в переносном. Потеряв над собой контроль, она даже при своем росте и весе должна была превратиться в ту самую беспомощную дев-

чушку двадцати лет, которой являлась на самом деле. Ее удел лить нюни и распускать сопли, а не драться с мужчинами, решил я, после чего стал смещаться вправо, чтобы выиграть время для морального уничтожения противницы.

– Неужели тебе так хочется заглянуть в штаны взрослого дяди? – укоризненно произнес я, продолжая совершать обход кабинета и тем самым вынуждая Иришу медленно поворачиваться вокруг своей оси. – Ай-яй-яй! В твоём возрасте надо быть скромнее.

Яростно запыхтев, она бросилась на меня. Я поднырнул под ищущую меня руку. Очутившись за Иришиной спиной, я насмешливо предложил:

– Загляни в тот самый магазин, где приобретала свою сбрую и купи себе там... – Снова уклонившись от захвата, я закончил: —...фаллос побольше. Он удовлетворит и твое женское любопытство, и кое-что еще!

Не обернувшись, Ириша сделала лягающее движение, едва не задев ботфортом неосторожно приблизившегося папочку.

– Еще! – потребовал он. – Ну же!

Допросился! Замысловатый крендель, выписанный в воздухе второй Иришиной ногой, выбил из его руки прихваченную мимоходом бутылку.

– А-а-а! – заорала Ириша от натуги и от бессильной злобы. – Ы-ы-ы! – Она совершила довольно неуклюжий пируэт, тяжело подпрыгнула и поочередно взбрыкнула ботфортами

перед моим носом.

При приземлении ее развернуло ко мне задом да еще в придачу согнуло в три погибели, отчего рост ее ненадолго приблизился к среднестатистическому. Этого я ждал с того самого момента, когда выбрал наиболее уязвимое место соперницы и надумал закончить поединок простым, безопасным, но весьма эффективным способом.

Ахиллес, помнится, берег пуще зеницы ока свою пятку. Кощей Бессмертный лелеял единственное имевшееся у него яйцо. Самое уязвимое место Ириши находилось там, куда норовили без остатка втянуться ее прочные кожаные бикини.

Мои руки проворно метнулись к ее талии и заграбастали узенький пояс, на котором держалась вся незатейливая конструкция. Я уже цепко держался за кожаный жгут сзади и спереди, когда Ириша попыталась проделать то же самое, наверняка заподозрив, что я хочу оставить ее без трусов.

Во-первых, она опоздала. Во-вторых, ошиблась. Вместо того чтобы резко дернуть бикини вниз, я проделал прямо противоположное. Рывок – и Иришу подбросило на цыпочки. Еще рывок – и она была вынуждена подпрыгнуть вместе со своим интимным лоскутом, чтобы тот не удлинил ее ноги на пару лишних сантиметров. Уяснив для себя, что чувствует кобыла, которой вожжа попала под хвост, она пронзительно заверещала.

Это было только начало взбучки, устроенной мною вздор-

ной девице. На протяжении минуты Ирину подбрасывало, мотало и раскачивало, как самую неистовую участницу оргии сектантов-трясунов. Я заставил ее поплясать на славу! Думается, Ириша выделявала гораздо более лихие коленца, чем тот несчастный священнослужитель, которого она решила осрамить перед здешними «патриотами России».

– Еще? – приговаривал я, продолжая экзекуцию. – Еще?

– Не-ет!.. Ой!.. Ай!

Кожаная шлея, врезавшаяся в чувствительную промежность, превратила разъяренную фурию в обычную перепуганную девчонку, получающую первую в жизни трепку.

Одновременно с ней подал голос ее папаша. Брошенный мной поясok еще не успел коснуться пола, когда в комнату ввалились те два охранника, которые торчали в коридоре, а в распахнутую дверь донесся топот дополнительных бегущих издалека ног.

Членораздельного приказа Дубов отдать не сумел, но и его возмущенного блеяния хватило для того, чтобы охранники набросились на меня. Первого я сшиб с ног подвернувшимся стулом. Стремительно пройдясь задом наперед по распростертой на полу Ирише, он протаранил гигантский шарообразный аквариум и улегся в луже среди осколков и загубленных им рыбок.

Дубинка второго охранника умело парализовала мою правую руку. Пока я рассматривал ее, удивляясь своей неспособности даже сжать пальцы в кулак, новый удар пришелся

по моей шее, а затем на меня обрушился настоящий град, спастись от которого мне удалось лишь нырнув в обморочную темноту.

Уже падая, я смутно осознал, что рискую опуститься на колени и постарался завалиться на бок. Это было последнее осмысленное действие, на которое я оказался способен той проклятой ночью.

4

Что сказали бы вы, очнувшись на рассвете в незнакомой комнате, на чужой кровати, с руками, прикованными наручниками к ее изголовью? Прочитали бы утреннюю молитву господу? Помянули бы черта? Принялись бы сочинять возмущенный протест в комиссию по правам человека?

Лично я для начала просто застонал. Физиономия моя чувствовала себя почти хорошо (спасибо, Дубов, спасибо, благодетель, что велел своим опричникам не частить дубинками по моей головушке). В остальных частях тела ощущался полнейший дискомфорт. Грудь побаливала как на вдохе, так и на выдохе. Руки прикидывались чужими, плечи гудели.

Раннее солнышко, проглядывающее сквозь листву в окне, рассеяло мрак в комнате, но не в моей душе. Пробежавшись взглядом вокруг себя, я не обнаружил ни единой детали, которая могла бы меня порадовать или хотя бы утешить.

Вдохновенная ряшка господина Дубова на настенном ка-

лендаре, примерно 50 на 50, была расцвечена, оттенена и разглажена с такой тщательностью, что самая высокооплачиваемая топ-модель не рискнула бы стать рядом, опасаясь показаться потасканной дешевкой. Не мужское лицо, а младенческая попка, и только!

Плакат висел над хлипким на вид столом, который едва выдерживал вес взгроможденного на него компьютера.

Дальний угол комнаты занимала тумба, увенчанная скромной видеодвойкой. Телевизор был не больше компьютерного монитора.

Моя голова, как ни странно, вполне комфортно покоилась на подушке, упакованной в восхитительно свежую наволочку. Вся остальная постель тоже была показательно чистой (до того, как меня, изрядно вывалянного по полу и истоптанного чужими грязными ногами, уложили сверху в одежде и обуви).

Хотя наручники на меня надели гуманные, не самозатягивающиеся, они мешали мне ощущать себя в этом доме желанным гостем. После урока, преподанного Ирише, я вряд ли мог рассчитывать на добрые чувства ее отца. С другой стороны, если бы я позволил ей одержать верх, мое положение тоже не стало бы завидным. Нормальные люди, как правило, стремятся пнуть падших побольнее.

Я понятия не имел, как пройдет моя новая встреча с Дубовым, но твердо знал одно: он ни в коем случае не должен увидеть страх или растерянность на моем лице. Это как по-

казать слабинку при встрече с лютым псом: дрогнул, и тебе крышка!

Желая проверить, как поведут себя мои треснувшие по краю губы при попытке улыбнуться, я растянул их во всю ширь, а зубы предельно обнажил.

Когда человек улыбается в обществе, он считается веселым и приятным собеседником. Когда же он скалится неизвестно чему в полном одиночестве, это уже тревожный сигнал. Вот почему женская фигура, приоткрывшая дверь в комнату, при виде широкой ухмылки на моем лице чуть не отпрянула обратно.

Я строил непроницаемое лицо. Это было сделано так молниеносно, что навестившая меня особа встряхнула светлыми волосами. Наверняка отгоняла безумный образ, который показался ей просто померещившимся.

Объемное голографическое изображение наипервейшей красавицы в мире – вот что видел я перед собой. Если где-то и существовали более притягательные молодые женщины, то для меня это ровным счетом ничего не значило, потому что при виде прекрасной незнакомки все они разом обратились в пустое место.

Как описать загорелую богиню в белоснежном теннисном наряде, с умелым макияжем на лице и волосами, только что уложенными феном? Где взять слова, чтобы передать цвет и форму сосков, норовящих прорваться сквозь тонкую ткань? С чем сравнить ее пупок, выглядывающий из-под короткой

маечки так трогательно, что, если бы не наручники, я мог бы не сдерживать желание прикоснуться к нему хотя бы одним пальцем? Я даже обрадовался, что прикован к кровати. И ничуть не огорчился тому, что у меня не было ни мыслей, ни слов. Это позволяло мне просто лежать, молчать и пялиться на прекрасное видение во все глаза. Оно благоухало экзотическим ароматом киви, который в последнее время предпочитала моя жена. Дезодорант «Фа», гарантирующий свежесть на протяжении 24 часов.

Пауза продлилась достаточно долго, чтобы мы успели вволю полюбоваться друг другом.

– Досталось? – сочувственно спросило неземное создание, плотно прикрыв дверь за своей спиной.

– Пустяки, – мужественно сказал я.

– Бедненький!..

Пройдясь по комнате пританцовывающей походкой, незнакомка склонилась над столом, делая вид, что заинтересовалась маркой компьютера. Шортики, облегающие отставленный зад, задумчиво качнулись из стороны в сторону. У меня вырвался прерывистый вздох. Есть такая обидная закономерность: чем красивее женщина, тем чаще она принимает солнечные ванны нагишом, но при этом ваши шансы полюбоваться ее сплошным загаром уменьшаются в прямо противоположной пропорции.

– Ничего, если я буду с тобой на «ты»? – Шортики развернулись ко мне передом и приблизились почти вплотную,

заслоняя собой все остальное мироздание.

С трудом заставив себя оторвать глаза от волнующего холмика под белой тканью, я устремил их на обращенное ко мне лицо и хрипло согласился:

– Пожалуйста, гм!.. Гм!

– Тебя зовут Игорем, я знаю. Неужели ты и вправду писатель?

– Когда я гляжу на тебя, – сказал я, – остается только пожалеть, что я не стал поэтом. Или скульптором на худой конец.

– Худой конец? – Незнакомка прыснула.

Половину ее очарования как рукой сняло. Я по-прежнему не находил в ее внешности ни одного изъяна, но предвкушение сказки или праздника прошло. Это как если бы ослепительное сияние солнца было омрачено тучкой. При этом солнце остается таким же блистательным, но на него можно смотреть без риска ослепнуть.

– Кто ты, смешливая прелестница? – спросил я, попытавшись сесть на кровати.

Никелированные браслеты грубо напомнили мне, где мое место.

– Я Натали, – сказала моя посетительница, похлопывая ракеткой по смуглой ноге, позолоченной едва заметным пушком.

– Жена Марка? – дошло до меня.

Не успев как следует порадоваться нашему знакомству, я

уже помрачнел. Помнится, Дубов обмолвился, что Натали однажды победила в конкурсе красоты, и теперь это не вызывало ни малейших сомнений. Но не забыл я также и дополнительную характеристику, данную свекром снохе. «Жадная и расчетливая сука». Учитывая брак такой редкостной красавицы с совершенно порочным чудовищем, слова Дубова скорее всего были прискорбной правдой. Пусть простят меня милые романтики, но чем ярче натура женщины, тем темнее ее инстинкты.

– Ха, жена! – горькое восклицание Натали прозвучало, как запоздавшее эхо. – Наложница я... Владимир Феликсович насильно окрутил меня со своим сынком. Никакой жизни теперь!

– А что, разве он такой плохой супруг? – спросил я, изображая полное неведение. – Мужик на вид привлекательный, интересный.

– Кто мужик-то?! – презрительно процедила Натали. – Таких мужиков я знаешь где видала?..

Я спрашивать не стал, но Натали все равно сказала. Ее голос сразу утратил всю недавнюю мелодичность. Закрыв глаза, можно было запросто представить на месте собеседницы продавщицу из привокзального ларька, которая в свободное время подрабатывает уличной девкой. Именно такая мне и привиделась. Зато, снова разомкнув веки, я с удовольствием обнаружил перед собой прежнюю очаровательницу, зашедшую поболтать с гостем по пути на теннисный корт. Вот в

чем прелесть богатого воображения.

– Ничего не понимаю, – продолжал я ломать комедию. – Разве Марк не мужчина, а переодетая женщина?

– Хуже. Пидор он гнойный, вот кто! Козляра вонючий с вафельницей вместо рта... – Это была лишь прелюдия к короткой эмоциональной речи, осуждающей нетрадиционную сексуальную ориентацию. Я опять закрыл глаза, но распутная девка из ларька уже исчезла. Теперь режущий слух голос принадлежал старой потаскухе, одной из тех алкашек, которых за постоянные фингалы на физиономиях ласково называют «синеглазками».

Если уж выпало счастье общаться с королевой красоты, то пусть она будет иностранкой, подумал я. Плиз... о... кей... гудбай... Этого лексикона более чем достаточно для большой и светлой любви.

– Ты бы денежную компенсацию попросила за свои страдания, – предложил я, не открывая глаз. Мне было больно наблюдать крушение своих идеалов. Я решил, что вновь взгляну на Натали не раньше, чем у нас найдется какая-нибудь более приятная тема для беседы, чем обсуждение пакостных наклонностей ее муженька.

– Я, по-твоему, шлюха? – Судя по оскорбленным ноткам, прозвучавшим в голосе Натали, она сильно комплексовала по этому поводу, как и весь прочий женский пол, начиная с Евы. – Я?! Шлюха?!!

«А кто же еще?» – так отреагировали на вопрос мои ав-

томатически приподнявшиеся брови. Язык же выдал совершенно иной вариант ответа:

– Разумеется, нет, но это еще не повод отказываться от вознаграждения за свои услуги.

Вот так перл я выдал! Мне подумалось, что эта крылатая фраза может стать девизом всех женщин планеты.

Первой оценила мою находку Натали.

– Вообще-то ты прав, – медленно сказала она. – Но я ничего не попросила у этих людей. В этом моя совесть чиста.

Наглуую ложь легко принять за правду. Но только не с закрытыми глазами. Когда не видишь собеседника, любая фальшь в его голосе звучит особенно отчетливо. Я не купился на щебетание Натали. Даже если бы Дубов не упомянул накануне о деньгах, отваленных снохе за выполнение обязанностей домашнего секс-терапевта, я все равно не поверил бы в ее бескорыстие. Добрые ангелы и капиталистические отношения – вещи абсолютно несовместимые.

Открыв глаза, я с нежностью посмотрел на Натали, успешную отложить свою ракетку и присесть на краешек кровати у моих ног.

– Знаешь, – сказал я проникновенно, – ты самая удивительная девушка, которая когда-либо встречалась на моем пути. Прекрасный цветок, гордый и одинокий, вот кого ты мне напоминаешь. О, как я понимаю тебя, как сочувствую!

В ответ на мою мелодраматическую речь Натали застенчиво призналась:

– Тут и впрямь охреневаешь от безделья и одиночества. Просто шизануться можно, честное слово! Педерастический муж, его папаша пришибленный, потом еще эта лосиха Ириша... Мало того, фашистики ихние сопливые в каждую щель подглядывают и дрочат до посинения... Полное собрание сочинений, блин!

Последняя фраза была нежно выдохнута мне в самое ухо, отчего я весь похолодел и замер, а мурашки, напротив, ожили и промчались по моей коже наперегонки, стартовав где-то в районе макушки. Их новая стая сыпанула в разные стороны, когда холеные пальчики Натали непринужденно занялись пуговицей и «молнией» моих джинсов.

– Э!... Э!...

– Тс-с, не дергайся, – предупредила она шепотом. Ее длинные ногти легонько царапнули мой втянувшийся живот.

Чувствуя, как позвоночник превращается в сплошную заледеневшую сосульку, я спросил:

– Который час, не знаешь?

– Около шести. Все еще спят.

Успокоив меня таким образом, Натали одним рывком стянула с меня все то, что сочла лишним. Натянуть обратно приспущенные джинсы мне в моем положении не удалось бы никак. Беспомощно потрепыхав руками, раскинутыми вдоль спинки кровати, я рассудительно предложил:

– Может, подождем, пока с меня снимут эти дурацкие кандалы?

– Их могут вообще никогда не снять, – возразила Натали, – а я почти месяц была вынуждена обходиться без мужа. Представляешь, каково это?

Я вознамерился поджать коленки к животу или хотя бы перекатиться на бок, но Натали тут же взгромодилась на мои ноги и счастливо засмеялась. Находишь сверху я, а не она, мне, наверное, захотелось бы порадоваться вместе с ней. Но мужчина, которым вертит по своему усмотрению женщина, пусть даже безумно красивая, становится нервным и даже угрюмым.

– На сегодня хватит, – строго сказал я. – Самое время тебе пойти постучать мячиками на корте. Мне нужно собраться с мыслями перед серьезным разговором с твоими родственниками.

– А хочешь, я погадаю тебе немножко?

Вопрос был задан самым невинным тоном, но я посмотрел на Натали с некоторым подозрением:

– По руке?

– Существуют способы поинтереснее... Ну-ка, посмотрим на твою дорожку...

– Какую еще дорожку?

Натали медленно провела пальцами от моего пупка до самого низа живота, легонько теребя подворачивающуюся под руку поросль. Там, где ее коготки начали путаться в дебрях, она выбрала прядь погуще, намотала ее на указательный палец и подергала, как бы испытывая мою растительность на

прочность.

— Это называется дорожкой к теще, — поясняла она, слегка гнуся при этом. Многие женщины, которых я знал, во время приливов нежности почему-то начинали разговаривать в нос. — Дурацкое название, правда? — спросила она, склоняясь надо мной все ниже. — Дорожка привела меня ни к какой не к теще, а... Угу! Та-ак!.. Кто тут у нас живет?.. Кто это тут прячется?.. Попался, который кусался?.. Вот я тебя сейчас... ам!

И тот несчастный, который никогда не кусался и кусаться не мог, разделил участь библейского Ионы, заключенного чудо-юдо-рыбой-кит. Натали оторвалась от своего занятия и принялась что-то жарко ворковать.

— ...мням-мням-мням, да, мой сладенький? — бубнила она ласково.

— Что ты бормочешь? — спросил я, чтобы не чувствовать себя третьим лишним на этом празднике жизни.

Натали повторила фразу чуть громче, но дикция ее все равно осталась невнятной, потому что теперь ей мешал посторонний предмет во рту.

Наблюдая за возвратно-поступательными движениями светлой головки, я подумал, что ее обладательнице не мешало бы покраситься заново и сделать прическу покороче, чтобы не щекотать волосами животы случайных знакомых. В том, что для Натали это приключение является лишь малозначительным этапом на ее большом жизненном пути, не

оставалось никаких сомнений. Настоящее мастерство не забудешь, не пропьешь. Натали ни разу не задела меня зубами, зато я узнал, каковы на ощупь ее железы, а такая сноровка требовала постоянных упорных тренировок.

Разумеется, мои выводы нельзя было назвать беспристрастными, потому что я не смог оставаться посторонним наблюдателем достаточно долго. Не знаю, что именно стремилась утолить Натали – легкий голод или зверский аппетит, – но через некоторое время я испытал настоящую потребность помочь ей поскорее насытиться.

Хотя я всячески скрывал свои намерения, чтобы не спугнуть птичку раньше времени, она спохватилась ровно за секунду до того мгновения, когда я собирался издать торжествующий клич. Раз! И головка Натали проворно вспорхнула с моего живота. «С такими экстрасенсорными способностями нужно извержения вулканов предсказывать!» – сердито подумал я.

– Тебе не кажется, что ты слишком спешишь? – спросила Натали с упреком. Можно подумать, она была невинной гимназисточкой, которую ухажер вздумал поцеловать в щеку уже в ходе тридцать девятого свидания.

Вместо того чтобы провалиться под землю от стыда, я честно признался:

– Невозможно удержаться. Ты делаешь это так профессионально!..

Услышав мой сомнительный комплимент, Натали расцве-

ла. Мне вдруг захотелось называть ее Розой. Майской.

– И все равно спешить не надо, – строго сказала она, оглаживая шкодливым язычком свои губы. – Сначала мы должны кое о чем договориться.

Думаете, я удивился выдвинутому условию? Нет, ведь я не был самовлюбленным Кинг-Конгом, чтобы приписывать внезапную страсть прекрасной блондинки своему безграничному очарованию. В первую очередь Натали стремилась выдавить из меня интересующую ее информацию, а потом уже все остальное. Более того, ее вполне мог подослать ко мне Дубов-младший, сделавший пробный заход еще вчера. Все в этом доме чего-то от меня хотели, требовали, домогались. Один я ничего ни у кого не просил. Я просто желал, чтобы меня оставили в покое.

– О чем мы должны договориться? – спросил я с прохладцей. – Только не говори мне, что, как честный человек, я теперь обязан на тебе жениться.

– Да нет же! – отмахнулась Натали от моего предположения, в котором не уловила сарказма. – Речь пойдет о другом.

– А, понимаю! Прежде чем оказать мне маленькую любезность, ты желаешь познакомиться со мной поближе?

– Что-то в этом роде, – согласилась она и нетерпеливо спросила: – Мой свекор поручил тебе написать о нем книгу?

– Откуда ты знаешь? – Выигрывая время для размышлений, я изобразил полнейшее изумление.

– Не ты первый, не ты последний.

Я согласился:

– Да уж, в этом я не сомневаюсь. Только учти, радость моя: в стране не наберется столько настоящих писателей, чтобы их тебе надолго хватило. Советую тебе пополнить свою клиентуру спортсменами, музыкантами и артистами.

Натали выглядела вполне чистенькой и аккуратной, но ей не мешала маленькая проверка на вшивость. Если бы после моего оскорбительного заявления она вспылила и направилась к выходу, я поспешил бы взять свои слова обратно и отнесся бы к ней хоть с каким-то доверием. Но Натали осталась на месте. Лишь цвет ее лица неуловимо изменился, словно она успела незаметно от меня слегка подрумянить скулы.

– Я могу продолжать? – спросила она, убедившись, что к сказанному мне больше нечего добавить.

– Только этого я и жду! Ты ведь прервалась на самом интересном!

– Есть в жизни кое-что поинтереснее и поважнее минета, – философски заметила Натали. – Я говорю о деньгах. Ты ведь не станешь отказываться от денег?

– Никогда! – подтвердил я таким энергичным кивком, что мои оковы отозвались на это движение тихим звяканьем. – Если ты решила еще и приплачивать мне за удовольствие, то я готов принимать тебя трижды в день.

– Наглость какая!

– Ладно, уговорила. Каждый десятый сеанс будет для тебя бесплатным.

– Послушай, ты!!! – Тут Натали задохнулась от негодования, и это получилось у нее очень кстати. Вряд ли я услышал бы что-нибудь лестное в свой адрес.

Я все-таки вывел ее из себя. Правда, никаких демаршей с гордо поднятой головой не последовало. Она ведь так и не добилась поставленной цели. И, смею вас уверить, сексуальные забавы со мной интересовали ее в самую последнюю очередь. Весь этот эротический фарс понадобился ей лишь для того, чтобы сделать меня поговорчивее, вот и все. Она и не подозревала, как часто женщины ловятся на свою же собственную удочку.

– Что ты хотела сказать? Я весь внимание. – Вид у меня был достаточно невинный, чтобы восстановить ее утраченное доверие.

С трудом взяв себя в руки, Натали сказала подрагивающим от сдерживаемого возмущения голосом:

– Я хочу предложить тебе пять тысяч долларов за кое-какую информацию.

Настоящий домашний аукцион, подумал я. Причем Натали переплюнула Марка. Если не продешевить, то можно вернуться из плена на вполне приличной иномарке.

– Мне нужны от тебя сведения определенного рода.

– Мы можем обсудить твоё предложение. Но до этого ты должна довести начатое до конца.

Просить Натали дважды не пришлось. Она выполнила мое пожелание, причем так оперативно, что я и пальцем не

успел пошевелить в промежутке между стартом и финишем.

– Что за информация тебя интересует? – апатично осведомился я, когда мой маленький каприз был удовлетворен. – Предупреждаю сразу: в разработке ядерных ракет я не участвовал, никаких военных тайн не знаю, в кремлевские сортиры доступа не имею. Какой интерес я могу представлять для американской шпионки?

– Я не американская шпионка!

– Молдавская? Монгольская? На кого работаешь, Натали?

Мои вопросы повисли в воздухе. Дверь внезапно распахнулась, впуская в комнату двухметровую амазонку Иришу, которой пришлось наклонить голову, чтобы не снести макушкой притолоку. От этого вид у нее был бодливый и воинственный.

Вот когда я пожалел, что не умею становиться невидимкой.

5

Готовясь к встрече с заклятым врагом, мужчина должен в первую очередь позаботиться о том, чтобы на нем находились штаны, причем как следует застегнутые. Существуют способы внушить уважение к себе и без всякого оружия, но только не валяясь на кровати со скованными руками и расстегнутой ширинкой.

Ириша, увидев меня в столь жалком и беспомощном со-

стоянии, злорадно ослабилась. Я невольно обратил внимание на ее зубы, которыми можно было без усилий оттяпать любой из моих пальцев, не говоря уж о более деликатных частях тела.

– А ты быстро очухался, Бодров, – признала Ириша не без разочарования в голосе. – С потаскушками забавляешься, выглядишь вполне довольным жизнью... Не слишком ли вольготно ты себя чувствуешь?

– С этими браслетами? – Я пошевелил руками, произведя немелодичное бряцание металла о металл. – Вы специально установили здесь такую допотопную кровать? Чтобы принимать гостей?

– Радуйся, что проснулся не в гробу, – буркнула Ириша, переключая внимание на давно вспорхнувшую с кровати Натальи.

Красотка явно испытывала дискомфорт в присутствии родственницы. Подпирая спиной противоположную стену, она незаметно перемещалась в направлении выхода, когда была остановлена Иришиной дланью, придерживавшей ее за плечо. В свободной руке современная амазонка держала высокую банку пива. Емкость была солидная, под стать владелице. Эта деталь наводила на мысль, что прошлой ночью перебрал не только Дубов, но и папина дочка.

Сегодня Ириша предпочла обрядиться в футболку и самые банальные спортивные штаны. Судя по габаритам, эти вещи достались ей от тяжелоатлета или располневшего бас-

кетболиста. Когда она нависла над Натали, блондинка превратилась в маленькую хрупкую девочку, застигнутую суровой воспитательницей на месте преступления.

– Ты снова суешь нос туда, куда тебя не просят, – произнесла Ириша внушительно.

– Я только хотела посмотреть на живого писателя, – пискнула Натали.

– Посмотрела? – зловеще спросила Ириша.

– Посмотрела.

– И как он тебе – без штанов?

– Джинсы он без меня снял, – быстро сказала Натали. – Я как застала его в таком виде, так сразу и собралась уходить.

Это со скованными-то руками я снял джинсы? Легкая жалость, которую я испытывал к своей новой знакомой, моментально улетучилась.

– Спортсменка ты наша, – процедила Ириша, чуть не вмятая фигурку собеседницы в стену. – Чемпионка по многоборью недотраханная... А помнишь, что я обещала с тобой сделать, если ты будешь путаться у меня под ногами?

– Пусти! – взвизгнула Натали, делая отчаянную попытку прорваться к выходу.

Ириша шутя удержала ее на месте одной рукой, а второй, не выпуская из нее банку, съездила по кукольному личику родственницы. На пол пролилось немного пива, и его хмельной запах разнесся по комнате.

– Помню. – Натали шмыгнула носом, но втянуть обрат-

но смогла только сопельки, а кровавый след все равно подчеркнул нижнюю половину ее лица.

Нет, неправда, что красота – великая сила. Глядя на могучую Иришу и ее деморализованную соперницу, я понял, что сила и красота – два разных понятия, которые плохо уживаются рядом.

– Повтори! – потребовала Ириша.

– Но...

– Повтори, гадина! – Пивная банка угрожающе взмыла над поникшей головой.

– Ты обещала... обещала взять мою ракетку и...

– И?!

– ...запахнуть ее мне в...

– Хватит ссориться, девочки, – сказал я примиряющим голосом.

– А ты заткнись, Бодров! – огрызнулась Ириша через плечо. – С тобой у меня будет разговор особый.

К моему облегчению, она не нагнулась за ракеткой, а удовлетворилась своей банкой. Ириша трижды хлебнула из банки пиво и столько же раз припечатала ее к лицу соперницы.

Плюх! Плюх! Плюх! Голова Натали моталась из стороны в сторону, оглашая комнату протестующим визгом. При этом руками она совершенно не защищалась, а держала их опущенными. Это наводило на мысль, что некоторый опыт общения с грозной родственницей она уже имела и переломов боялась больше, чем затрещин.

– Теперь убирайся, – скомандовала Ириша, аккуратно ставя смятую банку на стол. – И ракетку свою прихватить не забудь! Повесь ее над кроватью, любуйся по утрам и вспоминай меня. В следующий раз ты так легко не отделаешься.

Натали исчезла из комнаты с проворством белого привидения.

– Твоя очередь, Бодров, – бросила Ириша, развернувшись ко мне всем своим внушительным фасадом.

– Понравилась вчерашняя трепка? – спросил я. – Мечтаешь о продолжении?

Ириша переместилась ко мне поближе и тоже принялась неспешно разглядывать меня, словно решая про себя, чем станет набивать мое чучело. Уделив особое внимание тому месту, которое купальщики на картинах стыдливо прикрывают ладошками, она признала:

– Да, мечтаю. Только сегодня моя очередь получать удовольствие.

– Вот попал, так попал, – обреченно молвил я. – Вы же меня заездите совсем! В этом доме что, мужчины в дефиците?

Ириша хмыкнула:

– Мужчина ты только для всяких шмакодявок типа Натали. До меня ты не дорос. Так, недоразумение одно.

– Чего же ты тогда от меня хочешь?

Вместо ответа Ириша направилась к столу и принялась методично выдвигать все его ящики. Отыскав в одном из них тупоносые канцелярские ножницы, она продемонстрировала

их мне издали, спародировав при этом позу нью-йоркской статуи Свободы.

Я сглотнул слюну, и вышло это у меня довольно шумно. Всего несколько дней назад я прочитал в газете заметку про безумную бабенку, которая оскопила сначала своего любовника, а потом законного муженька. Помнится, я даже подумывал, как получше обыграть этот сюжет в своей новой книге. Но я ничуть не стремился испытать нечто подобное на собственной шкуре.

– Что притих, Бодров? – задорно спросила Ириша. – Даже скучно без твоих шуточек. Ну, выдай что-нибудь веселое.

«Клинк! – тихонько подтвердили ножницы. – Давай, парень, посмеши нас немного! Пока ты еще способен издавать что-нибудь, кроме благого мата».

– А ты сними с меня наручники, тогда и поговорим, – предложил я. Должно быть, такой тон был у Колобка, когда он морочил головы своим туповатым недругам.

Ириша немного посмеялась над моей наивностью и занялась искореженной пивной банкой, которую для начала продырявила, а затем вспорола ножницами. От скрежета металла о жечь меня покорило. Что это было? Наглядная демонстрация возможностей ножниц? Хитроумный способ их заточки? Незнание терзало меня еще сильнее, чем неприятные звуки.

Никак не мог я сообразить, для чего Ирише понадобился огрызок жести, который в конечном итоге оказался у нее

в руках. Отчекрывжив кусок банки, она приплюснула его ногой и задумчиво повертела в руках. Внутренняя сторона заготовки тускло поблескивала в лучах солнца, проникавших в комнату, и примагничивала мой взгляд.

– Что мастеришь, юный техник? – спросил я как можно более беззаботным тоном. – Пропуск в кружок «Умелые руки»?.. Медаль трудовой славы?..

– Скоро узнаешь, – пообещала Ириша. – Очень скоро. Раньше, чем тебе хотелось бы.

От ее замогильной интонации мое любопытство как рукой сняло. Безобидная жестянка внушала мне нехорошее предчувствие.

Положив свою загадочную поделку на пол, Ириша взяла ножницы в кулак и продырявила ее одним точным ударом.

Я понял, что возникла срочная необходимость в налаживании контакта со вчерашней противницей. Острая, как ножницы в ее руке.

– Вчера ты меня заставила здорово попотеть, – заговорил я несколько вымученным тоном. – Где ты так научилась ногами махать? Я с подобными девушками еще не сталкивался.

– И не столкнешься, – невозмутимо откликнулась Ириша. – Не думаю, что после знакомства со мной тебя еще будет интересовать женский пол.

В комнате было уже довольно душно, но мне показалось, что по коже прошелся леденящий ветерок. Все меньше мне нравилась сосредоточенность, с которой Ириша занималась

своим странным рукоделием. А ее последняя многообещающая реплика засела в мозгу занозой.

– Если хочешь, можно устроить матч-реванш, – тоскливо предложил я, убедившись, что джинсы гипнозу не поддаются и не собираются заползать на мои бедра сами. – Выберешь одежду, более подходящую случаю. Можешь даже взять в свою команду пару обалдуев с дубинками.

Ириша, которая на протяжении последних минут стояла ко мне спиной, не давая полюбоваться плодами своего творчества, мои заигрывания проигнорировала. Но зато доложила, когда вновь развернулась ко мне:

– Готово!

Если она хотела меня порадовать, то это у нее плохо получилось. Настороженно разглядывая кусок жести в Иришиной руке, я никак не мог сообразить, для какой цели в нем проделано отверстие, да еще снабженное по краям многочисленными зазубринами. Они были неровными и очень острыми, вот и все, что я сумел определить.

– Сбоку надрез, видишь? – Ириша легко разомкнула нехитрое изделие и вернула его в исходное положение. – Теперь эта штука легко надевается, а вот снять ее без помощи рук невозможно.

– На что надевается? – тупо спросил я.

– Не догадался?

Ириша приблизилась, поднесла жестянку к лицу и посмотрела на меня сквозь дыру сверху вниз. Диаметр отвер-

ствия был таков, что в нем запросто умещался весь ее немигающий глаз целиком. Сообразив, что именно стало объектом ее наблюдения, я, как мог, прикрылся согнутой в колене ногой.

– Твое собственное изобретение? – спросил я, моля господу о каком-нибудь чуде, которое вразумило бы свихнувшуюся девицу и наставило ее на путь истинный. – Не забудь получить патент. Но сначала принято проводить испытания на подопытных кроликах.

– Эта штукавина давно проверена на людях, – успокоила меня Ириша. – Простейшее, но безотказное приспособление. Мне порекомендовал его Душман, помнишь такого?

– Еще бы! – подтвердил я. – Надеюсь, он меня тоже не скоро забудет.

Ириша кивнула:

– Он и не забыл. Потому-то и посоветовал, как сделать тебя сговорчивым... Пять лет назад Душман занимался контрабандой анаши и попал в плен к афганцам. У них там в горах было немного развлечений, и они всегда старались придумать для каждого пленника что-нибудь особенное. Пивом афганцы, как сам понимаешь, не баловались, но у них были банки из-под коки и пепси...

Я понимающе кивнул, хотя слушал Иришин рассказ вполуха. Вводная фраза занимала меня куда больше продолжения. «Сделать тебя сговорчивым...» Это означало, что Ириша, как и все прочие обитатели здешнего осинового гнезда, че-

го-то от меня домогается, а не тупо мстит за пережитое унижение. Корявая жестянка понадобилась ей лишь как средство устрашения, которое вряд ли будет пущено в ход. Что ж, Ириша высветила свой козырь. Теперь исход опасной игры зависел от моего умения блефовать. Рассказчица тем временем добралась до главной изюминки своего повествования.

– ...все мужское достоинство просовывается в отверстие таким образом, что целиком оказывается поверх жестянки, – вещала она, неотрывно следя за моей реакцией. – Это очень удобно. Один рывок, и причиндалы можно подавать на блюдечке.

– Голь на выдумки хитра, – прокомментировал я услышанное. – И что же, это убогое кушанье считается у диких горцев деликатесом? В таком случае брали бы пример у испанцев. Те лакомятся бычьими яйцами, а они раз в пять крупнее.

Уголки Иришиных губ поползли вниз, когда она не обнаружила на моем лице признаков паники. Глядя мне в глаза, она зловеще сказала:

– Афганцы не едят яиц, ни бычьих, ни человеческих. Они скармливают члены пленникам.

– Сырыми? – скривился я от отвращения.

Иришину мину тоже нельзя было назвать сладкой.

– Не уточняла. Одно знаю точно: до того, как умереть от потери крови, человек успевает сожрать часть самого себя.

– Твой Душман стойкий малый, – произнес я с уважени-

ем. — Мало того, что съел такую гадость, не подавившись, так еще и выжить умудрился. Или он в плену все же чужие члены жевал?

— Душман ислам принял, тем и спасся. А ты лучше о себе беспокойся, Бодров. Самое время.

Ее зад вдавил мои колени в матрас. Рука потянулась к моему совершенно незащитному органу, съезжившемуся в ожидании болезненной ампутации.

— Обращайся с моим дружком осторожно, — предупредил я Иришу. — Его реакция на прикосновение дамских пальчиков может оказаться бурной и непредсказуемой.

— Ничего, — усмехнулась она. — Больше этих проблем у тебя не будет. Их источник я сейчас удалю. С корнем.

— Сделай милость, — сказал я, глядя с напускным безразличием в потолок. — Одна морока от этого дела. Сплошные расходы и нервотрепка.

— Ты, кажется, не очень хорошо понимаешь, что тебя ожидает, — сердито сказала Ириша.

— Да все я понимаю! — Моя попытка махнуть рукой закончилась тем, что браслет наручников возвратил ее на прежнее место. — Давай рви, не тяни жилы! — Я распял себя все сильнее, как упившийся спиртом революционный матрос на допросе у белогвардейцев. — Надоело все! Каждый, кому не лень, командует, понукает! Папе твоему книгу пиши! Марку и его жене информацию сливай! Теперь ты со своими угрозами! А вот хрен вам всем! Перебьетесь!

– Погоди! – возбужденно перебила меня Ириша. – Марк и Натали тоже на тебя наезжали?

«Тоже!» Она проговорилась. Я не ошибся в своих предположениях. Ириша в этой истории была таким же заинтересованным лицом, как ее братец и свояченица.

– Ходят вокруг да около твои родственнички, вынюхивают что-то, – как бы неохотно признался я. – Говорят, Дубов в мое распоряжение какие-то сверхсекретные материалы предоставит, а им очень хочется с ними ознакомиться... Слушай, это случайно не твои детские снимки из семейного альбома? Ирина Владимировна Дубова в чем мать родила. Она же на горшке и с пальцем в носу... Выходит, не зря мне деньги предлагали...

– Много? – быстро спросила Ириша.

– Порядочно.

– А ты?

– А я их послал обоих. По очереди.

– Неподкупный, значит? Интере-е-сно...

Ее пальцы задумчиво теребили предмет, чересчур чуткий и отзывчивый к подобному вниманию.

– Руку бы убрала, – буркнул я. – Напрягает она меня очень. Не чувствуешь, что ли?

Чего-чего, а румянец на щеках этой боевой девицы я не ожидал увидеть! Он проступил на Иришиной коже через секунду после того как она поспешно отдернула свою проказ-

ливую руку, а затем охватил ее лицо от скул до самой шеи. Ах, какие нежности, скажите пожалуйста! Обещая оторвать мне член, она и бровью не повела, а просто подержаться за него считала ниже своего целомудренного достоинства.

По мере того как веснушки опять постепенно проступали на Иришиной коже, она принимала вид все более озабоченный и деловитый. Наконец, когда ее лицо окрасилось в прежний цвет свежей домашней ряженки, она заговорила:

– Послушай, Бодров... Если я оставлю тебя в покое и скажу отцу, что вчерашний инцидент исчерпан, ты можешь оказать мне одну любезность?

– Без штанов? – язвительно осведомился я.

Старательно отводя взгляд, Ириша встала, натянула на меня джинсы и застегнула «молнию» таким порывистым движением, что едва не кастрировала меня без всяких азиатских премудростей. Отшвырнув в сторону разочарованно звякнувшую жестянку, она тихо сказала:

– Мой отец при смерти.

– Знаю, – откликнулся я, – у него рак.

– Жить ему около трех месяцев осталось, – продолжала Ириша монотонным голосом. – Некоторые врачи отводят ему еще меньше времени, но больше трех месяцев не обещает никто... Вот он и решил превратить свою смерть в такую же сенсацию, какой была его жизнь в последние годы. Вывернуть наизнанку всю правду о большой политике, вывалять ее в грязи, а потом еще наложить сверху большую

вонючую кучу – вот что задумал отец.

– Достойная цель, – одобрил я, – и, что особенно приятно, светлая. Народ проглотит такое с восторгом.

– Никто ничего не проглотит, – произнесла Ириша с мрачной решимостью. – Эта книга никогда не будет выпущена.

– Почему? – удивился я. – Любое издательство рукопись с руками оторвет!

– Рукописи тоже не будет. Вот об этом я и хочу с тобой поговорить.

– Поговори, – разрешил я. Одетому, мне легко удалось перехватить инициативу в свои руки. Пусть они пока были в наручниках, но я смотрел в будущее с оптимизмом декабриста, получившего пожизненный срок. Оковы рухнут, и у входа нас встретит радостно свобода. Приблизительно так.

Голос Ириши вернул меня на землю:

– Скорее всего уже сегодня отец засадит тебя за работу. Соглашайся. Никто не узнает, чем ты занимаешься за компьютером: творишь или дурака валяешь в виртуальной реальности. Время от времени отца можно знакомить с короткими отрывками. Пусть видит результаты твоей работы и ни о чем не беспокоится.

Я с сомнением хмыкнул:

– А если он захочет прочитать весь текст?

– Не распечатывай его.

– Он сам откроет нужный файл.

– Введи пароль.

– Тогда он просто станет у меня над душой и станет наблюдать, как я работаю.

– Ты выставишь его за дверь, – безмятежно заявила Ириша. – Скажешь, что присутствие постороннего может отпугнуть вдохновение. – Она пренебрежительно пожала плечами. – Люди творческих профессий всегда с какими-нибудь причудами, так что отец ничего не заподозрит.

– Ладно, что потом? – спросил я тоном человека, который признает, что его удалось убедить, но только наполовину.

На данном этапе Иришу и это устраивало.

– Потом моего отца положат в клинику, – пояснила она, – а ты удалишь созданные файлы в «корзину» и очистишь ее, вот и все. В последние дни жизни отцу будет не до тебя и не до твоей книги, это я тебе гарантирую. Специалисты полагают, что умирать он будет трудно и мучительно. Но тебе на это плевать, верно? Тебя, наверное, больше волнует размер твоего гонорара? – Убедившись, что я не собираюсь отнекиваться, Ириша сообщила: – Отец собирается заплатить тебе за свою биографию десять тысяч долларов. Я дам тебе столько же за то, чтобы эта биография не появилась на свет. Выбирай. Только учти при этом, что лично я умирать не собираюсь. – В последних словах прозвучала неприкрытая угроза.

– Слушай, а почему тебя так беспокоит эта книга? – поинтересовался я, не спеша давать однозначный ответ.

Покусав губы, Ириша сказала:

– У отца вполне приличное состояние, которое я хочу сохранить и приумножить. Если разразится скандал, то обязательно всплывут кое-какие счета, которым огласка противопоказана. Отцу, может быть, теперь на деньги наплевать, а мне нет. У меня нет рака, понимаешь? – Она уже почти кричала. – И лишние враги, которых стремится нажить себе этот старый дурак, мне ни к чему! Я хочу жить спокойно!

– Похвальное намерение, – одобрил я. – Что ж, считай, что я...

– Согласен?

Я укоризненно покачал головой:

– Не так быстро, сударыня. Пока что я согласен подумать, вот и все.

Подойдя к окну, она заслонила собой почти весь свет и превратилась на некоторое время в молчаливый темный силуэт. Мне надоело наблюдать за ней, неудобно вывернув шею, и я уже собирался устроиться поудобнее, когда услышал тихое:

– Эх, Бодров, Бодров... Грязи в мире и без этой книги хватает, зачем ее подбрасывать еще?

Я вспомнил, чем закончился мой отказ просто повидаться с Дубовым, представил, какотреагирует он, если поймет, что я вожу его за нос, и упрямо покачал головой:

– Это же будет бомба. У меня появится громкое имя.

Почему-то, услышав про бомбу, Ириша вздрогнула, но тут же овладела собой.

– Имя? На могильной плите оно появится, – скептически хмыкнула Ириша, принимаясь мерить комнату шагами. – Неужели ты не понимаешь, что отец тебя подставляет, как и меня? – воскликнула она, наконец, с горечью в голосе. – Его не станет, а крайними останемся все мы! В том числе и ты, ты!

Инстинктивно втянув живот, чтобы его случайно не проткнул тычущий в меня указательный палец, я напомнил:

– Совсем недавно ты собиралась лишить меня детородного органа, а теперь вдруг обеспокоена моей судьбой. С чего бы это?

– В первую очередь я своей собственной судьбой обеспокоена, – угрюмо напомнила Ириша.

Сомневаться в этом у меня не было причин. Под подобным заявлением могло бы подписаться все человечество, хотя обычно распространяться на эту тему не принято.

– Вот что, – сказал я, – давай перенесем нашу беседу на потом. Сама понимаешь, после всего, что со мной приключилось за неполные сутки, у меня голова кругом идет.

– Договорились. – Ириша кивнула. – Сейчас я пойду разбужу отца и велю ему тебя освободить. Есть хочешь?

– Нарезку по-афгански? – саркастически осведомился я.

– Забудь. Не собиралась я тебя увечить. Просто пугала.

– А шупала меня тогда зачем? Из женского любопытства?

– Говорю тебе: забудь! – Ириша повысила голос и притопнула ногой так, что комната слегка вздрогнула. Ее будущему

супругу можно было только посочувствовать. Вместе с его родней.

– Все, все! – заблажил я с притворным ужасом. – Слушаюсь и повинуюсь.

– Так-то лучше, – сказала Ириша, и по ее лицу было заметно, что ей и в самом деле нравится, когда перед ней лебедят. – Таким ты мне больше нравишься. Не разочаруй меня, Бодров. Как следует обдумай мое предложение. И держись подальше от Марка с Натали. Слышал поговорку, что муж и жена – одна сатана? Так это про них сказано.

Произнеся это напутствие, она величественно удалилась, а я остался размышлять о роли писателя в современном обществе. В свете последних событий роль эта вырисовывалась совсем незавидная.

Глава 3

1

Дубов аккуратно водрузил на ломтик прожаренного хлеба лепесток желтого сыра, мазнул его маслом, накрыл ломтиком сыра оранжевого, опять умаслил, затем добавил поверх несколько мазков рубинового джема и стал любоваться творением рук своих.

– Где Натали? – спросил он, поворачивая бутерброд то так, то эдак. – Я ей тысячу раз говорил, что здесь принято завтракать в семейном кругу!

Бросив взгляд на часы, я подумал, что половина клана Дубовых уже давно заработала бы гастрит, если бы каждый раз дожидалась полудня, чтобы заморить червячка. Рак самого главы семейства вполне мог быть вызван такой безалаберностью. А еще повышенной нервозностью, которая сквозила в каждой его фразе, в каждом жесте.

– Марк! – прикрикнул Дубов. – Был задан вопрос!

Застигнутый врасплох отпрыск с натугой проглотил сложное ассорти, которым успел набить рот, и приготовился отвечать, когда раздался голос опередившей его Ириши:

– У Натали критические дни, папа.

Представив, как выглядит сейчас лицо ее бедной родственницы, я подумал, что лучшего определения такому состоянию не подберешь.

– Ее не в баню пригласили! – сердито сказал Дубов, собравшись откусить добрую половину своего навороченного хлебца. – Могла бы посидеть за общим столом, не велика ба-рыня.

– Пусть уж лучше отдыхает наша красавица, – возразила Ириша. – Во время менструации она становится настоящей истеричкой. А кровь из нее хлещет, как из зарезанной сви-ньи.

В тот же миг дубовский бутерброд, теряя на ходу слой за слоем, улетел из беседки в неведомые дали.

– На кой хрен мне нужны эти подробности! – рявкнул его создатель. – И без них тошно! Дадут мне когда-нибудь в этом доме поесть по-человечески?

Все, кто находился за столом, включая меня, насторожен-но притихли, лишь телефонная трубка жалобно верещала в кармане белого дубовского пиджака, болтающегося на спин-ке стула. Аппарат начинал пиликать каждые пять минут, но хозяин игнорировал его призывы.

Его настойчивое попискивание еще больше подчеркива-ло всеобщее напряжение, незримо витавшее в беседке впе-ремешку со зноем и духотой. Дубов сопел и поглядывал на присутствующих взглядом дебошира, выискивающего лю-бой незначительный повод, чтобы к кому-нибудь придрать-

ся. Референт Геша оставил в покое еще довольно высокую горку блинов, к которой теперь не решался прикоснуться, и делал вид, что тщательно промокает усишки салфеткой, хотя для этого было бы вполне достаточно провести под носом кончиком мизинца. Марк развернул свою лихую бейсболку козырьком вперед, пряча глаза. Я цедил остывший кофе и не оторвался от чашки, даже когда добрался почти до самой гущи, неприятно захрустевшей на зубах. Одна лишь Ириша держалась непринужденно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.